

Клетка для колибри

Анна Рогова

18+

Анна Рогова

Клетка для колибри

«Автор»

2026

Рогова А.

Клетка для колибри / А. Рогова — «Автор», 2026

"Клетка для колибри" - это психологический любовный роман о девушке с диссоциативным расстройством личности. Внутри нее живут четыре человека: практичная Кати, чувственная Маделен, балерина Жюли и сама Софи, которая 20 лет пряталась на самом дне своей души. Каждая личность - только кусок правды, защита от мира, который не был к ней добр. Роман написан в форме мозаики: письма, телефонные разговоры, сцены из разных лет. Читатель по кусочкам собирает историю жизни Софии Лакруа и историю взаимоотношений ее разных личностей с Пьером, растянувшуюся на много лет. Двадцать лет. Пять личностей. Одна любовь на пятерых. Останется ли София в клетке собственной души или сможет выбраться на волю и обрести наконец свободу?

© Рогова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I	6
Глава II. Серж	11
Глава IV. Серж	21
Глава V. Мария	25
Глава VI. Серж	30
Глава VII. Серж	36
Глава VIII. София	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Рогова

Клетка для колибри

Клетка для колибри

Часть I

Глава I. Серж

Февраль 1998 г., Париж, Франция

Огни машин прорезали мокрый снег на улице адмирала Колиньи и брызнули в окна бара Le Fumoir, плавающего в сигаретном тумане. Где-то за стеклом, на задворках Лувра, тонул в слякоти пятничный вечер, а здесь, перекрывая гул голосов и звон посуды, сквозь запахи мидий и пива ко мне добралось женское сопрано — первые аккорды «Je suis une femme amoureuse».

Я редко захожу в этот бар, хотя живая музыка тут каждый вечер. Обычно сижу у окна, смотрю на снег и думаю о своём, а музыка — фон. Но тут я поднял голову. Голос был не просто красивый — он шёл откуда-то изнутри, толкал звуки перед собой, наполнял их горечью и сладостью одновременно. Тембр нарастал, пожирая другие звуки зала, раздвигая закоснелые сердца завсегдатаев, пока те не сдавали позиции — тихо клали вилки на столы, отставляли бокалы. «C'est mon droit de t'aimer», спетое в третий или четвёртый раз, обезоружило всех. Я понял, что у певицы канадские корни — в шоколадном тембре сквозил оттенок кленового сиропа, неоспоримый и родной.

Я боялся повернуться. Боялся увидеть женщину, которая внешностью не соответствовала бы тому, что я слышал. Но на последних строках дыхание перехватило, и я выпустил длинную струйку воздуха уже в тишине, разрываемой аплодисментами.

Я повернул голову — тонкая фигура в джинсах и чёрной водолазке натягивала шарф и пальто. Она выбежала на мороз и быстро прошла мимо моего столика по улице, натягивая перчатки и спеша к набережной Сены. Свет фонарей выхватил из мрака копну тёмных волос и тонкий абрис маленького лица с опущенными ресницами.

Моя Эсмеральда. Я нашёл тебя.

Следующие три вечера я разбил в баре небольшой наблюдательный пост: сухой martini, мятный чай, пылёнок в йогурте, чаевые управляющему. Управляющий — немолодой сухой армянин с примесью филиппинской крови — рассказывал ровно столько, сколько стоили его чаевые.

Девушку тут никто по имени не знал. Доступ к микрофону ей давал какой-то покровитель, знакомый с владельцем заведения. Она не брала денег, приходила без предупреждения. Иногда её не было месяцами, иногда — несколько вечеров подряд. Могла спеть одну песню и уйти, могла просидеть весь вечер, не коснувшись микрофона, а могла дать полноценный концерт. Это продолжалось почти год. Музыканты привыкли, публика — нет. Управляющий сетовал, что во время её выступлений продажи падали на двадцать-тридцать процентов за вечер, но хозяин не оставлял ему выбора.

Три вечера впустую вымотали меня до невысокой температуры — предвестницы гриппа. На четвёртый, когда жена уже готова была развестись со мной за долгое и подозрительное отсутствие по вечерам, моя муза тихо всплыла в дымчатый сумрак бара. Управляющий, поддерживая её за локоть и сопровождая маслянистым взглядом, усадил за столик в глубине зала. Официант подал ей красное вино, и, пока она крутила в руке бокал, разглядывая «винные ножки» на стенках, я её как следует рассмотрел.

Очень длинные волнистые чёрные волосы, отливающие медью, ложились крупными завитками на плечи и спину, доходили до ягодич и обрамляли небольшое бледное лицо с острым подбородком. Густые ресницы сдерживали огромные голубые глаза, готовые выйти из берегов. Вздёрнутый нос делал черты немного детскими — не настолько, чтобы сразу бро-

салось в глаза, но достаточно, чтобы подумать: здесь есть что-то от рисунка, от театральной маски. Широкие брови и небольшие чувственные губы придавали облику страстность.

Я не мог разгадать коктейль её крови — в нём угадывались южные широты, морской воздух Прованса и что-то кавказское. Каким-то образом этот состав был разлит на почве Франции, впитавшей его, чтобы вырастить такой ажурный цветок.

Чёрный свитер-платье с таким широким вырезом, что он чудом держался на открытых плечах. Прямая спина, выпирающие ключицы на фоне излишней худобы — выдавали балерину или танцовщицу. Это была удача для мюзикла, успех которого всегда на треть состоит из пластики.

На вид — около двадцати пяти, но миниатюрные женщины возраста не имеют. Вино, которое она пила маленькими глотками, высвечивало кожу изнутри розовым блеском разогретых капилляров, синева в глазах становилась гуще. Она встала, поправила пояс, которым перехвачено платье, и размашистой походкой балерины подошла к группе, прятанной у дальней стены. Я отставил бокал и замер.

Она назвала песню и сжала стойку микрофона, широко расставив ноги, пока электрогитара воспроизводила первые аккорды «Hymne à l'amour» Эдит Пиаф. Рот открылся заранее, обнажая розовый язык, коснувшийся нёба в изящном звуке «le», и она начала великую песню. Тихая мелодия разгоралась постепенно, как маленькое пламя, которое она поддерживала дыханием, спокойно закрыв глаза. Два куплета — осторожные, с предыханием, в малиновом сиропе тембра — сменились громким раскатом ударных и визгом электрогитары. Она раскрыла глаза, расставила руки и выдала диафрагмой настоящий рок с отголосками оперы на словах «*car toi je mourrai aussi*». Спускаясь в нижний регистр, она словно выхватывала у меня куски плоти, омывала их голосовыми переливами и размазывала кровь по венам. Песня закончилась громко, по-рокерски, на долгой тянущейся ноте с визгом гитары. Я наконец задышал.

Она не остановилась. Продышалась, повернула голову к музыкантам, назвала следующую, потом подошла к стене, взяла обыкновенную гитару, перекинула ремень через плечо, дёрнула несколько раз всем телом — головой, губами — и провела рукой по струнам, здороваясь с инструментом, как с живым существом. Ей не терпелось. Это было физически необходимо — она пила музыку жадно, надрывно, отдаваясь всем телом.

Гитара запела в её руках по-испански, хотя ни одного слова ещё не прозвучало. Бёдра, ноги, плечи задвигались в унисон с инструментом, составляя одно целое. Когда она запела «*Historia de un amor*», я был уверен, что поёт сама гитара. Тембр стал другим — ниже, груднее, как выдержанное вино, обжигающее и согревающее глотку. Длинные пальцы бегали по стонущим струнам, чёрные кудри падали на блестящие глаза. Чувственный рот обнажал язык и белые зубы, выводя характерное испанское «S» в слове «*passion*» и манерное «R» в слове «*amor*».

Я думал о том, что она ни разу не улыбнулась за весь вечер. Все песни отдавали заморской грустью — она приходила к микрофону, чтобы сказать только об этом. Каждое слово, каждое движение давалось с трудом. Когда песня кончилась, она опустила голову, тяжело сняла гитару и села за столик с бокалом недопитого вина. Какой-то мужчина сделал несколько шагов к ней, но официант преградил путь. Между ними произошло короткое объяснение, на которое моя Эсмеральда равнодушно смотрела, положив ногу на ногу. Мужчина хотел подсесть — официант объяснил, что невозможно. Неудачливый ловелас посмотрел на неё вопросительно, она пожала плечами и залпом допила вино. Резко встала, взяла пальто и вышла в парижскую изморозь. Я бросился следом, кинув на столик измятую купюру.

Она уже шла вдоль Сены по Луврской набережной, быстро, натягивая перчатки и кутаясь в шарф, когда я догнал её.

— Вы могли бы петь на сцене, вы знаете об этом?

Она обернулась, недовольно нахмутив брови, готовая послать меня ко всем чертям. Потом посмотрела прямо в глаза и застыла. Смотрела долго, внимательно, изучающе. На лице играли внутренние тени, выдаваемые только движением бровей и подёргиванием губ. Я не мог их прочесть, только ждал, пока она вынесет вердикт. Видно было, что она сомневалась, но потом приняла какое-то решение и наконец улыбнулась — миловидно и по-доброму.

— Погуляйте со мной, месье Патек, мне будет приятно, — и медленно шагнула вперёд.

— Вы знаете меня? — я пошёл рядом.

— Я думаю, вас многие знают.

— Вы прекрасно пели, волшебю. Вы тронули меня до глубины души, — я старался говорить с жаром.

— Месье Патек, ну что вы. Вам ли раздавать мне комплименты. Пела я посредственно, я совсем не певица. Просто владелец бара разрешает мне иногда петь, и это помогает. Знаете, иногда я совсем не могу заснуть — очень мучительно, а музыка помогает выговориться и отпустить то, что гложет внутри. Расскажите лучше, чем вы сейчас заняты. Впрочем, я знаю, что вы ставите «Эсмеральду». Как продвигаются дела?

Я остановился и посмотрел на неё с сомнением. Она весело рассмеялась — как будто звенящий жемчуг переключивали в руках.

— Откуда...

— Вы просто недооцениваете свою славу, месье Патек. Весь Париж знает, что вы ставите «Эсмеральду». У меня есть диск, я знаю все песни, они волшебны. И когда я иду мимо Palais de Congrès, каждый раз проверяю, не начали ли продавать билеты. Поверьте, я буду в первом ряду, — сказала она так горько, как будто у неё нет выбора, и тяжело вздохнула.

Я молчал. Три недели назад Нанни Мессерер — наша Эсмеральда, непокорная, страстная, с оливковой кожей и дерзко вылепленным носом — сбежала от нас домой в Израиль сразу после презентации на январском MIDEM. Мы показали собранную группу, баснословно дорогой клип с 3D-графикой, диск с её медовым голосом. Это была настоящая Эсмеральда — и мы никого больше не видели на этом месте. Месяц прослушиваний никчёмных девиц со всей Франции, от Прованса до Бретани, и ни одной похожей на цыганку. Слишком глупые или слишком застенчивые. Слишком резкий или слишком высокий голос. Плохо двигаются или слишком развязны. Они не могли быть Эсмеральдой.

Я приехал в Париж, чтобы создавать его новую музыкальную историю — и она рушилась на моих глазах.

— А спектакля может не быть, моя дорогая, — сказал я наконец.

— Как это?

— У меня нет Эсмеральды. Нанни отказалась от роли. Надо искать кого-то, кто её заменит.

Она покачала головой и закусил губу.

— Это будет непросто. Нанни великолепна. Она лучшая для этой роли.

— Я знаю. Но вот знаете — я встретил вас, и теперь в этом сомневаюсь. Мне кажется, вы были бы лучшей Эсмеральдой. Я бы пригласил вас на прослушивание.

Она посмотрела на меня и очень весело захохотала, беззаботно и мило. Я тоже растянулся в улыбке — этому смеху нельзя было отказать.

— Месье Патек, вы шутите надо мной, — она схватила меня за руку и прижала голову к моему плечу. Смех был заразительный.

— Да ведь я не шучу. Я хочу, чтобы вы пришли завтра на прослушивание.

— Я?

— Да, вы.

— Нет.

— Да.

— Это же смешно. Я не певица.

— Может быть, может быть. А кто вы?

— Я не знаю, кто я, — она шагнула дальше и взяла меня под руку. Жест был домашним и милым — как будто мы знакомы давно, как будто она моя дочь или племянница. Мне захотелось поговорить о чём-то важном.

— Вот видите, вы не знаете, кто вы. А я предлагаю вам узнать. Может быть, вы Эсмеральда.

— Разве Эсмеральда знала, кто она?

— Она думала, что знала.

— О чём ваш мюзикл, месье Патек?

— Вы мне скажите. Раз у вас есть диск, большинство песен вы знаете.

— Я смотрела почти все ваши мюзиклы, — на этой фразе я поднял вверх обе брови. — И знаете, они все концентрируются на одной теме. Столкновении маленького человека и мира. Это сугубо канадское мироощущение — ощущение провинциала в Париже. Все ваши мюзиклы — это человеческие драмы, которые разворачиваются перед лицом больших городов. Городу противостоит герой, который, как правило, этого столкновения не выдерживает. Кто-нибудь обязательно умирает. Причём заметьте — в основном женщины. Не любят писатели мужчин убивать, — она усмехнулась и мило шмыгнула носом.

Она была умна. Это и настораживало. Я 55-летний поэт-либреттист Серж Патек, автор едва ли не каждой десятой песни на франкофонной эстраде, приехал из Квебека покорять Париж — и вот стоял на набережной с девушкой, которая разобрала мои мюзиклы по косточкам, пока я сам не успел этого сделать. Ни один квебекуа не признается, что в глубине души мы провинциалы, окружённые англофонным миром. Мы возвращаемся в старый свет за признанием — и те, у кого не вышло, уезжают обратно зализывать раны, а те, кто покорил Париж, тоже возвращаются, но превращаются в машины шоу-бизнеса. Чудовище пожирает их навсегда.

Я приехал создавать новую музыкальную историю. А сейчас стоял на морозе, начинался грипп, и мне нужна была эта девушка на роль Эсмеральды.

— Ну вот взять Эсмеральду, — продолжала она, выдыхая густой дым на морозе. — Она в Париже, чужая, иностранка, и сталкивается с человеческой глупостью, жестокостью, похотью. Город съедает и выплёвывает её вместе с детскими мечтами, как надоевшую косточку, царапающую горло. Такие не выживают. Успела она к моменту смерти познать себя или нет — не играет никакого значения. Она просто никто в этом мире. Или я не права?

Я вздохнул. Ошибкой было бы полагать, что авторы знают ответы на все вопросы. Мы просто рассказчики, не боги. Держатели пера.

— Она такая, как вы. Задаёт много вопросов. Себе, другим, жизни.

— Я не очень сильная, видите ли. Даже наоборот.

— Посмотрим. Мне нужно знать, как вас зовут, и мне нужен ваш телефон. Вы должны прийти завтра в театр, я хочу, чтобы вас послушали остальные.

— А кто там будет?

— Наша команда — композитор, режиссёр, продюсер, директор, педагог по вокалу.

— А другие актёры?

— Скорее всего, нет. До конца февраля мы смотрим театр и ставим спектакль с режиссёром, репетиции начнутся в начале июля, премьера — в сентябре. До этого нужно сделать костюмы, декорации, продумать драматургию.

— Понятно.

Она остановилась, положила руки на ограждение, долго смотрела на Сену и жевала губу.

— Вы поймали меня в очень странный момент, месье Патек. В момент, когда я уже приняла решение. Прийти к вам на прослушивание — значит отменить его.

— Вы же можете не отменять, а перенести. Если вам нужно уехать или устроиться на новую работу, вы всегда сможете. Я прошу у вас только один день — прийти и спеть для нас.

— Я приду в пятницу. Раньше не смогу. Дайте листок и ручку, я запишу телефон.

— Вот, — я протянул ей купюру в двадцать франков и ручку, на которой она записала номер. — Как вас зовут?

— Я подумаю об этом до пятницы. Ещё есть время.

— До свидания, моя Эсмеральда. Не подведите меня. Я же не могу быть один на один с миром. Мне нужны вы.

Она широко и по-доброму улыбнулась, поцеловала меня в щеку, как ребёнок, и двинулась вперёд.

Глава II. Серж

Пятница, февраль 1998 г., Париж, Франция

К пятнице нервы у всех были на пределе. Каждый уже пережил потерю Нанни и нашёл свою Эсмеральду среди сотен прослушанных певиц — продюсер Шарль Роже агитировал за изысканную француженку, режиссёр Винсент — за восточную красавицу, и только композитор Роберто Десимоне сохранял нейтралитет. Если мне удастся убедить его, нас будет двое. Я без умолку рассказывал о сокровище, откопанном в Le Fumoir, но слышал в ответ одно: идеалов не бывает, лучше выбрать кого угодно, чем остаться без героини.

В тот день с утра у нас была рабочая встреча по декорациям в Palais de Congrès, и София должна была прийти туда же — хотя обычно для прослушиваний мы пользовались студией в Сен-Дени. Я хотел посмотреть на неё именно на большой сцене. С другой стороны — будут ли здесь слышны все нюансы голоса? Не испугается ли?

За десять минут до назначенного я вышел на улицу и нервно закурил. Тихо поскрипывая свежим снегом, лёгкой походкой она подошла и улыбнулась.

Длинные чёрные волосы собраны в пучок — не на макушке, как у балерин, а на шее, как у деловых женщин. Без макияжа, в очках в чёрной оправе, в длинном сером пальто и серых шерстяных брюках, с чёрной сумкой на плече — скорее шпион, чем артистка. Ни серёжек, ни цепочки, ни браслетов, ни даже часов. Я ни разу не видел женщин без единого украшения. Она протянула маленькую руку в чёрной перчатке.

— Добрый день, месье Патек. Надеюсь, у вас хорошее настроение. Выглядите вы не очень.

Я поперхнулся дымом.

— Не беспокойтесь, мадемуазель. Плохо спал.

— Не обижайтесь, но у вас чёрные круги под глазами.

Я бросил сигарету и пошёл внутрь, кивком приказав следовать. Театр распахнул двери и проглотил нас.

В зрительном зале, обставленном фиолетовыми и красными креслами, я зажмурился и вздохнул. С детства каждое попадание в зрительный зал вызывало во мне одно и то же: стоит сесть и посмотреть на занавес, который вот-вот откроется, — на глаза наворачивались слёзы. Я всегда спрашивал себя, достоин ли я быть здесь. И никогда не находил ответа.

В первом ряду сидели все судьи — режиссёр, продюсер, композитор, декоратор, художник по костюмам, помощник режиссёра, педагог по вокалу, наш пресс-атташе Рико и трое незнакомцев, оставшихся с рабочей встречи. София подошла к сцене, вскинула бровь, сняла перчатку и каждому подала руку, называя себя, будто королева на приёме.

Представляясь, она назвала имя — София. Я попробовал его на язык и пожал плечами.

— Мне нужно быть на сцене? — обратилась она ко мне.

— Да. Ты выучила песни? — я неожиданно перешёл на «ты», и она это приняла.

— Только две. «Vivre» и «Bohémienne».

— Давай с «Bohémienne».

— Мне понадобится переносной микрофон.

— Зачем? — недовольно сказал продюсер. — Нам не нужно смотреть, как вы двигаетесь. Мы хотим понять, что у вас за голос.

Остальные зашикали на него.

— Даниэль, принеси ей микрофон, — сказал Винсент.

София положила сумку на кресло, сняла пальто и шарф. На ней были широкие серые брюки и облегающая чёрная кофта с открытым декольте — фасон напоминал балетное боди. Тонкие ключицы, покатые плечи, лебединая шея. Она сняла очки и медленно, очень медленно

вынула шпильки из пучка. Мы переглядывались — казалось, присутствуем при вечернем туалете королевы. Наконец чёрные волосы распустились волной по спине, и она вопросительно посмотрела на меня: куда?

Даниэль повёл её за кулисы. На лицах остальных читались недоверие и усталость. Спектакль уже ставился, а главная героиня не утверждена.

Она вышла в чёрных носках, профессионально осмотрела сцену — оценила размер от кулисы до кулисы, посмотрела в зал. Они возились с микрофоном под недовольный шёпот из зала, который Софии как будто не касался.

— Начнём, — сказал я. — Сначала проигрыш, ты вступаешь на втором такте.

Она кивнула и встала в балетную позу — левая нога вперёд, опора на правую, руки скрещены на груди ладонями вверх, голова опущена. Роберто посмотрел на меня и вскинул бровь. Полыхнула музыка, зал наполнился осторожными аккордами.

Она пропела первое слово не поднимая глаз, низким грудным голосом с шелковистым оттенком — и кто-то из первого ряда подался вперёд.

Цыганка, никто не знает страны, откуда я.

Она тянула ноты нехотя, не шевелилась, только резче заламывала голову набок.

Цыганка, я дочь больших дорог.

Шаг вперёд, вес на другую ногу, и руки медленно раскрылись — они вторили каждому аккорду, пружинящие, легкие. Голос жил отдельно, а бедра не двигались.

К концу припева руки вывернулись так, как это делают только испанки — обрамляя гордый профиль в живую рамку. На слове «руки» она вскинула глаза, изогнулась, улыбнулась хищно и дерзко, и пальцы защёлкали невидимыми кастаньетами. Запела музыка Роберто в ритме испанских мелодий, и София затанцевала.

Она танцевала фламенко — топала невидимыми каблуками, задирала невидимую юбку, раскрывала невидимый веер, играла на невидимой гитаре и сражалась с невидимым быком. Голос стал южным, сквозил акцент, характерные выходы наверх. Она пела звонко, громко, смотрела в глаза каждому — осознавая свою красоту и непокорность. Я торжествовал.

Припев сменился задумчивой мелодией. Цыганка вновь опустила глаза, сложила руки, делая изящные шаги вбок — тело стало музыкой, тонкими переборами струн во вскинутых руках. Она сама стала гитарой. Голос легко проходил сквозь четыре октавы. А на третьем куплете бедра задвигались в восточном танце, вторя испанскому ритму — пальцы соединились, спина изогнулась. Она перекидывала волосы с плеча на плечо и вращалась вокруг оси.

Когда я писал эти слова, я думал о горах Ронды. Но даже там, на улицах этого города, я не видел того, что увидел на сцене. Соединив испанскую и восточную манеру, она стала настоящей цыганкой — широкие движения ног, распахнутый взгляд, гортанный голос без переливов.

Последние строчки она пела медленно, опустив глаза, прижимая руки к груди. К последней ноте дошла до центра сцены и приняла ту же позу, в которой стояла в начале. Музыка стихла. Я снова начал дышать. Коллеги сидели, открыв рты. Роберто встал и захлопал — остальные за ним.

Перед нами была не певица и не танцовщица — настоящая артистка. Начинаящая, местами прямолинейная, но безусловно талантливая.

София была сдержанна — бестактно равнодушна к восторгам, сунула руки в карманы и покачивалась на носках.

— Я бы хотел услышать «Vive», — сказал Шарль.

— Мне нужен микрофон стойкой.

— У тебя уже есть переносной, — возразил Шарль.

— Я не могу петь с ним. Это другая песня. Мне нужна опора, — твёрдо сказала она. Винсент закатил глаза и приказал принести стойку.

Я вышел в фойе. Ясно, что я победил. Останется уговорить её на роль — девушка своенравная.

— Привет, друг!

Пьер Граве, мой давний протеже, утверждённый на роль Гренгуара, хлопнул меня по плечу. Я знал, что он ночью улетает в Квебек и зашёл проститься.

— Пьер, ты же сегодня улетаешь?

— Именно, вот зашёл попрощаться. Увижу вас только в июле. Если ты не приедешь на моё турне, дружище.

Пьер жевал жвачку и много говорил, как всегда. Небольшого роста, крепкий, с икрами велосипедиста и длинными волосами в небрежном пучке, в дорожной куртке и джинсах, с рюкзаком на плече. Вечно улыбающийся скромняга с оперным голосом и открытым взглядом — человек, который никогда не был доволен собой. Я заполучил его на роль Гренгуара с огромным трудом: Пьер хотел быть Квазимодо, но с таким голосом это немыслимо. К тому же он не любил Париж и был востребован в Канаде. Но музыка Роберто его убедила.

— Мы, кажется, нашли Эсмеральду, — сказал я. — Неизвестная девушка, даже не певица. Пойди посмотри, она на сцене, сейчас будет петь «Vivre».

Мы вошли в зал и встали у дверей. Маленькая хрупкая фигурка стояла, обхватив микрофон двумя руками и прислонив к нему щёку. Зазвучали первые аккорды фортепиано.

— Издалека она и правда похожа на цыганку, — улыбнулся Пьер.

Голос раздался как будто ниоткуда — из глубины микрофона, из её груди. Высокий, нерешительный, он ангельским колокольчиком пронёсся по залу.

Ночь так прекрасна, а я так одинока, Я не хочу умирать, я всё ещё хочу петь.

— Wow, — Пьер снял рюкзак, расстегнул куртку, всматриваясь в её лицо, и остановился у пятого ряда.

Танцевать и смеяться, я не хочу умереть,

Умереть, не познав любви.

На последних словах она перешла в нижний регистр, полоснув глубокими звуками по внутренностям. Барабанная дробь приготовила душу к сопереживанию — для этого и нужна была эта песня накануне смерти Эсмеральды.

Жить ради того, кого любишь, — руки плавно раскрылись, голос зазвучал как виолончель, разгораясь.

Любить сильнее, чем сама любовь — руки вверх, голос поднялся выше, переступая по октавам.

Давать, ничего не прося взамен — руки потянулись вперёд в просящем жесте и вернулись, голос ушёл вниз так, что я закрыл глаза.

Быть свободной, чтобы выбирать свой путь,

Без проклятий, без запретов.

Быть свободной без богов и родины,

Быть окрещённой проливным дождём.

Она перешла к последнему припеву — ещё на октаву выше. Почти оперный голос, величественный. Она пела, будто хотела докричаться — сильнее, громче. «*Жить, так хочу я жить, пока не умру от любви*» — глаза закрыты, руки раскинуты. Голос затихал, превращаясь в нежный колокольчик, по щекам катились слёзы. Даже наш жёсткий продюсер пустил слезу — я видел влажный блеск у него на лице.

Последняя нота. Все встали, кто-то крикнул «браво».

Пьер оторвал руки от лица и в три прыжка оказался на сцене. София стояла, прижавшись к микрофону, тяжело дыша. Он нежно провёл рукой по её щеке, вытирая слёзы, — в этом жесте было что-то отеческое. Она подняла глаза к его лицу, пока он гладил её волосы, и бросилась к нему, содрогаясь в рыданиях.

Микрофон был ещё включен. То, что они шептали, было слышно в зале.

— Всё-таки я опять встретил тебя.

— Ты пахнешь так же, как всегда. Молоко и мёд — ничего не меняется.

— Я не знал, что ты можешь петь. Почему ты никогда не пела?

— Я слушала тебя.

— Как мне тебя называть? Я не пойму, кто ты.

— Я назвала всем своё настоящее имя, Пьер.

— София? Серьёзно?

— Да.

— Ты... София?

— Я думаю, да.

— Софи... моя Софи. Поверить не могу.

— Пьер, ты знаешь... На нас все смотрят.

— Мне плевать. Буду обнимать тебя, пока могу. Пока ты не убежала вновь.

В микрофон послышался хрип — она задыхалась. София сползала вниз у него в руках. Пьер подхватил её и понёс за кулисы, бросив на ходу: «Воды, быстро!» Мы бросились следом. Кто-то вызвал скорую, кто-то побежал за водой.

Софи лежала на снегу на свитере Пьера, тот склонился над ней в одной футболке и делал искусственное дыхание — хотя выглядело это скорее как поцелуй. Губы посинели, из глаз катились слёзы. Пьер приподнял ей голову, дал глоток воды и замер, не отрывая от неё взгляда.

— Дыши, пожалуйста, дыши. Ну же, давай.

София прохрипела ещё несколько десятков раз и начала успокаиваться — вдохи и выдохи стали длиннее. Пьер откинул всё прочь, обнял её и покачался из стороны в сторону. Потом взял на руки и понёс внутрь.

Приехала скорая. Пьер объяснил, что у Софии так устроена нервная система: от перевозбуждения спазм горла — не астма, а панические атаки. Он знал это по прошлым приступам: однажды доктор объяснил ему, что делать. Но в этот раз обошлось. Ей меряли давление, спрашивали, как она себя чувствует. «Хорошо», — сказала она и жалась к Пьеру. От поездки в больницу отказалась, подписала бумаги. Врачи уехали.

Присутствующие начали расходиться, недоумевая: утверждена София на роль или нет, что у неё за история с Пьером, улетит ли он теперь и позволит ли ей здоровье претендовать на роль.

Остались только я, Роберто и Мария — моя жена, приехавшая за мной на машине. Именно Мария взяла всё в руки:

— Поужинаем впятером. Потом отвезём Пьера в аэропорт — у тебя ведь ночью самолёт?

— Ты улетаешь сегодня? — спросила София с горечью.

— Я никуда не полечу, — решил Пьер.

— Конечно, полетишь.

— Нет.

— Ты полетишь, ты не можешь не лететь.

— Опять хочешь избавиться от меня? — жёстко спросил он и вскочил. — Возьми лучше и выгони меня сразу. Это было бы человечнее, чем вновь и вновь... Знаешь, один доктор жалел своего кота, так отрезал ему хвост по частям. Очень в твоём духе.

— Пьер, не стоит опять, — мягко попросила София.

Он встряхнул головой, сжал губы, закрыл глаза руками.

— Ладно. Пошли ужинать. Или ты хочешь уйти? — с вызовом.

— Нет, я пойду с вами. Конечно, — в её голосе было столько нежности.

Пьер грубо дёрнул её за руку, потом смягчился, обнял и пошёл вперёд. Мария взглянула на меня. Я пожал плечами. Роберто покачал головой — очень сдержанный, несмотря на ита-

льянские корни, он не одобрял публичного проявления чувств. Мария взяла меня за руку — её тепло всегда возвращало меня в реальный мир.

В ресторане Мария выбрала круглый столик, усадила Пьера и Софию рядом в дальнем углу, а мы вдвоём сели с другой стороны. Роберто заказал цыплёнка, Мария — рыбу, я — эскалоп. Пьер вздохнул, глядя на меню, и заказал для Софии: салат «Нисуаз» с перепелиными яйцами и двойными анчоусами, бокал «Шардоне», чай с мёдом, козий сыр с мёдом и орехами — сначала сыр, потом салат. София забрала у него меню и заказала ему говядину с пюре.

— Аппетита нет, — буркнул Пьер.

— Кусочки в соусе или целый кусок? — спросил официант.

— Кусочки.

Пьер поднес бокал к губам Софии, она немного выпила — щёки подернул румянец, она улыбнулась, смущённо и стыдливо. С ним она была совсем другой — абсолютной девочкой, скромной, с парижским акцентом и изысканными манерами. Никогда не заподозрил бы в ней певицу.

Принесли козий сыр, и Пьер начал её кормить. Отрезал маленькие кусочки, мокал в мёд и подносил к её рту — так сосредоточенно, словно рядом никого не было. Она даже рук не подняла. Мы трое застыли с чашками — момент был слишком интимный. Потом принесли мясо, и София отрезала кусочек, положила сверху пюре и поднесла к его рту. Он невозмутимо открыл, даже не глядя, и принялся жевать. Они кормили друг друга.

— Кто они друг другу? — шепнула Мария, наклонившись.

— Сам хотел бы знать. Девушка — та певица из бара. А Пьер зашёл проститься и вот...

— А пела-то как?

— Спроси у Роберто.

Молчаливый Роберто показал большой палец и по-итальянски поцеловал щечотку. Bellissimo.

Я ткнул Марию локтем — она смотрела на них, открыв рот. Пусть ест, а то ещё потребует от меня того же.

Размышляя, что делать дальше, я думал о Пьере. Турне началось в январе, труппа зависит от него, это их работа, их семьи. Я не представлял обстоятельств, при которых Пьер наплевал бы на всё это. Тем не менее именно так он и сказал. А София смотрела на него жадно — не могла насмотреться. Мало говорила, не двигалась, просто смотрела. И при этом настаивала, чтобы он уехал.

За столом повисла зловещая тишина. Желваки на челюсти Пьера ходили, он втягивал носом воздух и качал головой.

Наконец он наклонился к ней и взял за руку.

— Софи, я прошу тебя...

Она опустила глаза, покачала головой, положила его руку к себе на колени.

— Почему? — шептал Пьер.

— И так больно. Ни к чему всё это.

— Мне не переубедить тебя, — обречённо сказал он. — Ты опять убежишь, если я буду настаивать?

— Да. И теперь навсегда, потому что я сама устала бегать.

Пьер взял её лицо в ладони, заговорил быстро, с жаром:

— Тогда не буду. Только не убегай. Останься с Сержем, с Марией, с Роберто. Они будут рассказывать мне о тебе, и я не сойду с ума. Я буду послушным, не буду тебя искать. Только продолжи эту жизнь. Умоляю. Не губи себя хоть на этот раз. Найди себя.

По щекам обоих катились слёзы.

— Хорошо. Я сделаю, как ты скажешь. Только не звони мне. И не выясняй, где я живу. Иначе я не смогу, понимаешь?

— Понимаю. Я ничего, как всегда, не понимаю, но сделаю, как ты скажешь, — он прижал её к себе.

Я посмотрел на Марию — она опять открыла рот. Пришлось захлопнуть его рукой.

— Дорогая, нормы приличия.

— Да, и они их не соблюдают, — подмигнула моя дульсинея.

— Я думаю, мы должны взять Софию на роль Эсмеральды, — громко сказал Роберто как ни в чём не бывало. — Голос великолепный, пластика на высшем уровне. Верхние ноты слегка кричащие, нижним можно добавить бархатности. Но в целом — очень неплохо. Скажите, София, вы балерина?

Парочка опомнилась. София заложила прядь за ухо.

— Да, долго занималась балетом, даже выступала в Гранд-Опера. Но я не балерина — нет страсти к профессии. Ещё бальными танцами — тоже посредственно, пара десятков турниров.

— Она закончила Парижскую художественную школу, блестяще, — бросил Пьер.

— Вы слишком скромны, — сказал Роберто. — Когда вы начали петь?

— Три года назад я попала в швейцарскую клинику с нервным срывом. Там был доктор, который познакомил меня с преподавателем по вокалу — месье Пике, он тоже наблюдался, творческий человек. Они решили, что мне надо петь вместо таблеток. Мне правда стало легче. Месье Пике занимался со мной четыре месяца, пока меня не выписали, потом порекомендовал мадам Бернадетт здесь, в Париже. Она уже старенькая, кроме меня, учеников нет, но когда-то занималась с самой Эдит Пиаф. Мы до сих пор занимаемся. Если всё плохо, могу петь весь вечер, потом изматываюсь, засыпаю и утром встаю свежей — без лекарств.

— Странно, что вы раньше никогда не пели, — заметил Роберто. — У вас практически оперный голос.

— Вот у Пьера — и правда оперный, — улыбнулась София.

— Это правда, — сказала Мария. — У Пьера не только голос, у него талант. Он проживает каждую песню и умирает в каждом куплете. Этому невозможно научиться.

— О да, — София с гордостью посмотрела на Пьера.

— А сегодняшний инцидент связан с тем нервным срывом? — спросил Роберто, и мне захотелось его придушить. Марии, видимо, тоже — она больно толкнула его локтем.

— Да, — честно ответила София. — У меня бывают панические атаки от сильного нервного напряжения, и я задыхаюсь. Обычно всё проходит само, и не нужно каждый раз так паниковать, — она мило улыбнулась.

— Всё понятно, дорогая, не нужно объяснять, — мягко закрыла тему Мария и грозно посмотрела на Роберто.

— Во сколько самолёт? — спросил я.

— Через три с половиной часа, — хмуро бросил Пьер.

— А вещи? — спросила Мария.

— У вас, пара чемоданов.

— Заедем за ними и в аэропорт, — сказала Мария.

Роберто уехал на такси. Мария, подмигнув мне, предложила Софии поехать с ними провожать Пьера. Та согласилась, конечно.

Всю дорогу до аэропорта они обнимались на заднем сиденье и шептались, обливаясь слезами. Пьер был не в себе — я забрал его паспорт и сам зарегистрировал на рейс в Монреаль. Если он не улетит сегодня, он не улетит никогда, и мне придётся пересматривать эти страдания юного Вертера. Мне этот романтик в Париже был ни к чему — пусть едет в своё турне и оставит мне мою Эсмеральду. Потому что, чтобы она стала настоящей певицей, нужно ещё работать:

голос поставить, прессе представить. Это только в кино человек, который неплохо поёт, тут же оказывается на подмостках.

Разлепить парочку после регистрации пришлось почти насильно — я увёл рыдающего Пьера после того, как его дважды объявили в микрофон как опаздывающего. Когда вернулся, сдал его сотрудникам аэропорта, София рыдала у Марии на плече, похрипывая. Я испугался нового приступа, но она достала из сумки таблетки и затихла.

По дороге домой молчала, глядя пустыми глазами в окно. Мария предлагала остаться на ночь — отказалась, назвала адрес. Я проводил её до квартиры, беспокоясь о её здоровье. Она открыла дверь, прошла в спальню и легла в одежде, свернувшись клубочком. Из-под ресниц выпала и смочила подушку влажная слеза. Я снял её ботинки и вернулся к жене в машину.

Обратно ехали молча, выдыхая дым из приоткрытых окон.

— И что теперь? — спросила Мария своим низким хриплым голосом.

Я пожал плечами. Завтра будет видно.

Глава

III

. Письма

От кого: pierrgrave@yahoo.com

Кому: Lacroix@voila.fr

Тема: пожалуйста, прочти

Дата: 14 февраля 1998

Моя милая, дорогая Софи! Моя жизнь, моя боль, моя ежедневная тоска.

Я знаю, что ты запретила мне искать тебя, звонить и узнавать, где ты живешь, но ты ничего не говорила про электронную почту, и я все же упросил Сержа дать мне твой адрес. Пожалуйста, не сердись на него, потому что во всем виноват только я - я угрожал ему пистолетом и обещал побрить налысо сразу по приезду в Париж :-))))))

Мария рассказала мне, что с тобой опять был приступ после того, как я улетел, и я не могу передать, как я беспокоюсь за тебя и как волнуюсь за твоё здоровье. Сколько вопросов могут так и остаться без ответа: где ты? Что ты делаешь? Кто и что окружает тебя? О чем ты думаешь, просыпаясь по утрам? О чем волнуешься, засыпая каждый вечер? Что ты ешь на завтрак теперь? Как проводишь дни? Какой цвет теперь твой любимый в одежде? Кто о тебе заботится? Рисуешь ли ты до сих пор? Любишь ли сладкое? Боишься ли щекотки, как прежде? Хватает ли тебе денег (о пожалуйста, пожалуйста, только намекни)...

Но прошу, не сердись на меня и, если не хочешь, совсем не отвечай. Я буду писать тебе письма время от времени, а ты, если считаешь, что они тебе совсем неприятны, дай знать либо ответом, либо позвони Сержу и попроси больше не беспокоить тебя. Я не буду, моя дорогая, столь назойливым, как прежде. Я буду очень послушным, потому что боюсь потерять тебя вновь. Годы без тебя — это пустые серые тысячелетия, наполненные тоской.

Нет слов сказать, как ты нужна мне и как я скучаю по тебе. Как скучал все эти долгие годы ((((((

Прощай, моя Софи. Очень надеюсь увидеть тебя вновь когда-нибудь.

P.S. Надеюсь, тебя не разозлил мой маленький сюрприз на День Святого Валентина ;-))))
XXXXX

* * *

От кого: Lacroix@voila.fr

Кому: pierrgrave@yahoo.com

Тема: RE: пожалуйста, прочти
Дата: 16 февраля 1998

Мой милый, мой дорогой, мой нежный Пьер!
Здравствуй))

Париж теперь совсем ужасен, все заполнено красными сердцами, шоколадом и валентинками, а ты знаешь, насколько глупым я считаю этот праздник. Особенно бесят подарки в виде коробок в форме сердца с шоколадными трюфелями. И красные розы. И сережки Tiffany особенно, в форме сердечек ;-)))

Шучу, твои подарки мне понравились. Их принесла Мария утром – и праздник стал не таким ужасным. Мы с ней выпили кофе у меня на кухне и поболтали о тебе, и знаешь, на душе стало как-то легче. У меня еще не было общего с тобой друга, кроме Вив (но она скорее твой друг, чем мой), с которым можно было бы обсудить тебя. Это сильно облегчает ношу тяжелой тоски по тебе, которую мне приходится нести каждый день. Кстати, Мария тоже считает тебя редкостным болтуном ;-)))

Впрочем, шутки в сторону. Ты спрашиваешь так много обо мне. А между тем, я беспокоюсь за тебя и хотела бы спросить о том же. Как продвигается твое турне? Весел ты или печален сейчас? Тепло ли ты одеваешься и помнишь ли о голосе? Всегда ли на тебе шарф? Болел ли ты этой зимой? У нас на улице полный бардак и слякоть. С кем ты сейчас работаешь – с тобой ли твои друзья, как прежде? Я слышала, что к тебе наконец пришла слава в Канаде, и я так рада за тебя. Ты, как никто, это заслужил. Надеюсь, что твоя семья поддерживает тебя, как прежде.

Всегда бесконечно твоя, София. XXXX

P.S. Извини, твое письмо увидела не сразу – проверяю почту не каждый день. И целый день думала, отвечать или нет. Теперь буду проверять почту чаще.

* * *

От кого: pierrgrave@yahoo.com
Кому: Lacroix@voila.fr
Тема: ура, она ответила!
Дата: 17 февраля 1998

О моя София! Любимая!

Когда я получил твое письмо, я танцевал. С тех пор, как я отправил тебе свое, проверять почту превратилось для меня в маниакальное занятие с разницей в час. Клянусь, за это время я проверил почту раз 25. Учитывая, что мне пришлось давать концерт вечером, это немало! А когда увидел письмо – просто не мог поверить своим глазам. Спасибо, спасибо, что ответила! Я очень счастлив. Ради твоего письма я готов не спать всю ночь, проверяя почту. Я уже и так превратился в зомби, и, если бы ты меня увидела сейчас, прошла бы в ужасе мимо.

Я расскажу тебе все про себя, если тебе интересно. Но и ты, уж пожалуйста, расскажи в ответ о себе.

Наверное, у меня все хорошо. В прошлом году я выпустил альбом, который хорошо продается. У альбома уже 3 премии. У меня турне по всей Канаде, и наконец я даю возможность своей команде неплохо заработать. Все так ждали этого успеха, а я, знаешь, оказался к нему совершенно не готов. Это сложно – когда тебя узнают на улице, не для меня такое. Какие-то фанаты ездят за мной по всей Канаде на машине, такие милые.

Успех обернулся для меня катастрофой, потерей сына – Алиса все-таки ушла от меня, что, конечно, к лучшему. Это случилось больше года назад, мы просто завтракали всей семьей, Жан отвлекся на игрушки, и Алиса очень просто сказала мне между двумя глотками кофе:

давай разведемся, я устала. Я поначалу даже не понял, о чем она. Алиса сказала: Пьер, прекрати ломать комедию, ты сам не замечаешь, какой ты стал? Ты весь ушел в себя, в работу, на тебе нет лица вот уже два года. Мы не вместе больше. Я не хочу тебя обидеть, но просто... смысл все это продолжать? Я знаю тебя 13 лет, у нас было все – и взлеты, и падения. Но сейчас наш сын подрастает и я не хочу, чтобы он видел, что его родители чужие друг другу. Я не хочу, чтобы он видел такую семью. Я хочу начать все с начала, хочу найти того, кто будет рядом, родить еще детей. С тобой это не получится. Ты либо найдёшь её, либо совсем потеряешь себя. И я не знаю, что хуже.

Это было тяжело, потому что развод означал редкие свидания с сыном. Он единственное, что у меня осталось, я не хотел его терять, но Алиса была непреклонна. И она, конечно, права, абсолютно права. Потому что у нее действительно без меня есть будущее, у меня же его просто нет(((

В общем, мама и Женевиев поддерживали меня как могли, мне пришлось оставить Алисе с сыном дом и купить новый, было много дурацкой суеты, но в итоге все закончилось. Не знаю, как я не запил, просто, к счастью, работы было очень много и времени ни на что больше не оставалось.

На твои вопросы отвечаю: зимой болел один раз, шарф ношу постоянно. За голосом очень слежу, такого как раньше больше не повторялось. Что касается моего настроения... София, я совершенно отчетливо понимаю, что жить без тебя не могу. Все эти три года я встаю каждое утро с мыслями о тебе и засыпаю, думая о тебе. Ты знаешь, что я нанял двух детективов тебя разыскивать? Два года назад я расплатился с ними и отпустил – они все равно никчемные, или ты умеешь запутать следы. Я понимаю, что, если бы я даже нашел тебя, если ты не захочешь – я не смогу заставить тебя быть рядом. Это очень печально, потому что, будь моя воля, я посадил бы тебя в клетку в своей комнате и никуда бы не отпускал – кормил бы миндалем и шоколадными конфетами, и расчесывал тебе волосы каждый день, и читал бы сказки. Впрочем, не обижайся, я знаю, что ты вольная птица.

Жду не дождусь твоих новостей, моя родная. Я знаю, что тебя утвердили на роль. Просто до сих пор в голове не укладывается, что ты поешь, что ты будешь Эсмеральдой. Лучшей актрисы для этой роли не придумать. Я все время, постоянно, думаю о том, что это именно твой характер, твой типаж, это именно ты, София – ты сможешь жить на сцене, ты как никто сможешь воплотить ее. И все же меня гложет мысль, как ты все это переживаешь, не тяжело ли тебе, ведь это все в новинку. Пожалуйста, только не нервничай, и все будет в порядке. Напиши мне, прошу, об этом.

Твой вечный поклонник заранее, Пьер Граве.

Тысячи XXXXXXXX

* * *

От кого: pierrgrave@yahoo.com

Кому: Lacroix@voila.fr

Тема: волнуюсь

Дата: 20 февраля 1998

Моя прекрасная Софи, вот уже три дня как я отправил тебе письмо, но ты молчишь и ничего мне не отвечаешь. Может быть, письмо не дошло (я на всякий случай скопировал его ниже). А может быть, я чем-то обидел тебя? Если в моих словах было что-то неправильное, напиши мне, и я возьму их обратно. Взломаю почтовый сервер и навсегда удалю, чтобы ты была спокойна.

Очень волнуюсь за тебя. Твой Пьер.

* * *

От кого: pierrgrave@yahoo.com

Кому: Lacroix@voila.fr

Тема: FW: волнуясь

Дата: 23 февраля 1998

Привет, Софи.

Я звонил Сержу, звонил Марии. Они говорят, с тобой все в порядке. Значит, ты просто не хочешь отвечать. Прости, если я все же обидел тебя чем-то. Если ты все же напишешь, я буду очень рад.

Скучаю по тебе.

Пьер.

* * *

От кого: Lacroix@voila.fr

Кому: pierrgrave@yahoo.com

Тема: RE: волнуясь

Дата: 24 февраля 1998

Пьер, я пока не готова ответить на твое письмо. Подожди немного, мне нужно прийти в себя и обдумать все это. Как только смогу – я обязательно отвечу. Со мной все в порядке.

София.

София Лакруа.

P.S. Пожалуйста, береги себя.

Глава IV. Серж

Март 1998 г., Париж — Торонто

Звонок застал Пьера в гостинице, в семь утра по местному. Я набрал его номер с кухни, Мария спала ещё, за окном Парижа стоял серый полдень.

— Серж? Привет... ты так рано.

— Пьер, мне нужно с тобой поговорить. Ты смотрел вчера трансляцию?

— Да, еле успел. Этого канала в гостинице не было, я нашёл его в баре через две улицы. Пришлось чуть не подраться, чтобы включили концерт, а не футбол. Она пела невероятно — сильный голос, столько эмоций. Песня великолепная, и как раз для её голоса. Вы проделали фантастическую работу.

— Спасибо, — устало сказал я. — Пьер, я в панике.

— Что случилось?

— Утром в день концерта мне позвонил Рико — не может до неё дозвониться. До репетиции оставалось пять часов. Я поехал к ней, она долго не открывала. Я чуть дверь не выломал. Открывает — вся перепачкана краской, с ног до головы, даже в волосах. Заспанная, с красными глазами. Говорит — рисовала всю ночь. Глаза на мокром месте. Я попросил показать, что рисовала.

— Что? — нетерпеливо спросил Пьер.

— У неё квартира в Двенадцатом округе, милая, наверху мансарда — мастерская. Рисует очень талантливо, надо сказать. И на этих картинах — такая тоска, Пьер. Сердце в руках человека, нарисованное со всеми артериями и сосудами, и эти руки его сжимают, кровь повсюду. Человек, раздирающий собственное горло — вот это она как раз ночью и рисовала. Со всеми анатомическими подробностями. Сильные картины. Но через пять часов выступление, а она раскисла — ревёт и рисует.

— И что ты сделал?

— Потачил в ванную, умыл, напоил кофе, дал аспирин. Спрашиваю — что случилось. И она выкладывает: мой Пьер, оказывается, из-за меня развёлся. Я говорю — ну и что? — извини, Пьер, но это правда. Она говорит, что испортила тебе жизнь, что должна исчезнуть, что выступать не будет, что ей больно и оставьте её в покое.

Пьер тяжело вздохнул.

— Мне пришлось поговорить с ней серьёзно, — продолжил я. — Спросил, чего она хочет. Она сказала — всю жизнь хочет только одного: убить свою любовь к тебе. Но не получается, что бы ни пробовала. Я спросил — почему? Она ответила: потому что та приносит ей только боль. Я заметил, что ей вроде становится лучше, когда она поёт. Это её не убедило, хотя она закивала. Тогда я спросил — что бы тебе сейчас сказал Пьер? Она ответила: он бы сказал, что я не могу подводить людей. Что я должна собраться и выступить, что бы ни было внутри. Что всё это я переживу после, а сейчас я должна быть тем, кем должна.

— Знаешь, у неё на комод в спальне стоит твоя фотография. Ты там совсем молодой. Я взял её на всякий случай.

— Серж, как ты...

— Подожди. Перед выступлением её трясло. Когда она увидела зал — пять тысяч человек — обомлела. Видимо, не представляла себе масштаб. Металась, хотела сбежать. Я показал ей твою фотографию и сказал, что ты увидишь её по телевизору. Что я назвал тебе время трансляции, и ты будешь смотреть. И если тебя она не увидит — ты будешь разочарован, что она не смогла, не вытерпела. И она вышла, и спела. Спела так, как ты слышал. Для тебя, чёрт бы её побрал. Потом вернулась, вырвала у меня фотографию, сверкнула глазами и уехала. Телефон не берёт, через закрытую дверь крикнула, чтобы я убирался.

— Что ты хочешь от меня? — сухо спросил Пьер.

— Понять, что с ней делать. Надёжна ли она.

— Она ненадёжна, — жёстко сказал он. — И никогда этого не скрывала. Ты сам её в это втянул. И остальных тоже.

— Знаю. Я в панике.

Молчание. Потом Пьер спросил:

— Мария дома?

— Да.

— Попроси её взять вторую трубку.

Я разбудил Марию. Она ворчала, но взяла трубку на кухне.

— Мария? — сказал Пьер.

— Да, Пьер, как дела, дорогой?

— Мария, а что происходит с Сержем?

— Да ничего, кроме того, что он влюблён.

— В кого?

— Ну разумеется в Софию, в кого же ещё.

— Что за глупость, Мария? — возмутился я.

— О, только не надо сцен. Пьер всё понимает. Ведь так, Пьер?

— Нет, не понимаю.

— Пьер, если бы ты видел их двоих, когда они кормили друг друга в ресторане, ты бы тоже влюбился. Так как мой муж, к счастью, не голубой, он питает некоторые платонические чувства к нашей маленькой Софи. Уверена, что это полезно для творчества, для спектакля и даже для наших отношений. Я сама в восторге от Софи и ничуть не против. А ты, Пьер, не должен ревновать. Бедняжка любит только тебя, это же ясно.

— Что в таком случае Серж хочет от меня?

— Сейчас не до брачных игр, мальчики. На кону слишком многое — спектакль, в который вложены сотни тысяч франков. Столько людей могут лишиться работы. Пьер, пойми: Серж очень хотел выставить тебя вон, чтобы доделать свою Галатею самому и вылепить так, как хочет он. Но теперь он понял, что ему это не под силу. Она слушает только тебя — только ты её мастер. А Серж может быть всего лишь подмастерьем, несмотря на весь свой талант. Это положение ему не нравится. Более того, оно опасно — потому что в один прекрасный момент Софи может просто исчезнуть, не доделав работу, и оставить всех с носом. Ведь может?

— Да, — сказал Пьер. — Она может. Она так уже делала.

— Вот пожалуйста. Расскажи нам, как это было, и давайте посоветуемся, как избежать повторения.

— Я не уверен, что могу рассказывать такое. Это очень личное. Софии бы это не понравилось.

— Все личные подробности оставь при себе. Нам нужна суть. Когда ты видел её в последний раз?

— Сразу после окончания «Монополиса», на следующий день после последнего спектакля. У нас были отношения — если их так можно назвать. Скорее, мы дружили. Близко к себе она меня не подпускала — я был женат, у меня ребёнок, для Софии это святое. Мы познакомились в кафе в 1993-м, в самом начале «Монополиса». После этого виделись почти каждый день. Она изводила себя, считала виноватой, говорила, что любит меня, но даже поцеловать себя разрешила считанные разы. Я часто приходил к ней — встречал после занятий в художественной школе, мы гуляли или обедали у неё, а потом я ехал на спектакль. Она раз пятьдесят видела «Монополис». Без конца твердила, что мы не можем общаться, что я женат. Очень хотела прекратить, но не решалась — боялась, что это скажется на моей работе. Я твердил, что разведусь. Она предупредила, что уедет сразу после моего последнего спектакля. Когда он

закончился, я поехал к ней — она почти собрала вещи. Я умолял никуда не уезжать, говорил, что разведусь и женюсь, чтобы она ехала со мной в Канаду. Она была неумолима. Я держал её за руку всю ночь, боялся отпустить. В какой-то момент отключился. А когда проснулся, у меня в руках была только записка: «я тебя люблю, будь счастлив». И пустая квартира.

— И что ты сделал? — тихо спросила Мария.

— Пытался сделать с собой что-то ужасное. Не мог больше выносить.

— Что тебя остановило?

— Сын. Не мог оставить его. Подумал, что должен воспитать, дать будущее. Кроме того, пришёл хозяин квартиры и весьма грубо выставил меня вон. Сказал, ломать себя я могу где угодно, но только не в его апартаментах.

Я молчал. Пьер продолжал:

— Я нанял двух детективов — одного в Европе, другого в Америке. Без толку. Три года я не видел её, до того вечера во Дворце Конгрессов.

— Теперь понятно, почему ты тогда так уставился, — сказал я.

— Она никуда не убежит, если я не буду давить. Но это сложно, Серж, очень сложно. Ты не думал взять кого-то вместо меня?

— Нет. Эта роль только твоя, и я не хочу ничего слышать.

— А если я помешаю ей работать? Она может всё бросить именно из-за меня.

— Или продолжить — из-за тебя, — сказал я.

— Ты же теперь в разводе, — сказала Мария. — Что вам мешает быть вместе?

— Всё намного сложнее. Я не видел её три года. Я написал ей о разводе — и вот результат: неделя молчания, чуть не сорвала выступление. Вопрос не в том, женат я или нет. Она просто не хочет быть со мной. Не хочет — и всё. Я не ангел, наверное, заставил её страдать. Она ясно дала понять. И будет держаться так далеко от меня, как только сможет. Если мы начнём сближаться — она исчезнет.

— Я попробую поговорить с ней, — сказала Мария. — Спрошу, не хочет ли она поболтать с тобой по телефону. Это всё-таки не сближение — вы на разных континентах. Тогда ты сможешь понять её настроение и предупредить Сержа.

— Буду тебе очень благодарен. Я здесь схожу с ума. Хочется взять билет и лететь — и понимаю, что нельзя. Пожалуйста, подружись с ней. У неё мало друзей, она очень одинока. Вивьен пару лет была её подругой, но София и с ней прервала отношения, чтобы я её не нашёл. Она очень упряма.

— Я позвоню, — сказала Мария.

— До скорого, — сказал я и повесил трубку.

От: Кому: Тема: RE: RE: волнуясь 9 марта 1998

Вот и я. Voilà.

Очень скучаю по тебе, моя радость. Прости, что заставила волноваться.

Ко мне приходила Мария. Мы долго говорили — наверное, больше четырёх часов. Она пыталась понять, что случилось между мной и месье Патеком. Что случилось между мной и тобой. Очень сильная женщина, и мудрая, она мне нравится. Месье Патек очень переживает из-за нашей ссоры, но мне не понравилось, что он пытался манипулировать мной. Да ещё используя тебя. И всё же я его простила — он был в отчаянии. А я не справилась, чуть всех не подвела.

Пьер, я так испугалась. Я назвала своё настоящее имя, понимаешь? На сцену вышла София Лакруа. Ты понимаешь, в каком я была состоянии?

Пьер, у меня осталась только одна жизнь. Последняя. Дальше отступать некуда. Я сама не знаю, как так вышло. Я не хотела тебе говорить, но в тот вечер, когда Серж Патек нашёл меня в баре, я была на грани — мне казалось, что больше нет сил это выносить. Я отчаялась,

испробовала всё. Я пришла туда, чтобы сказать тебе напоследок всё, что чувствую. Это были всего две маленькие песни о любви — одна Эдит Пиаф, другая Хулио Иглесиаса. Я спела, выпила вина и брела вдоль Сены в полном отчаянии, не зная, куда себя деть. И вдруг появляется он — тот, кто связан с тобой. Это была как ниточка к тебе. Я за неё ухватилась, пришла на прослушивание. Думала, что меня не возьмут — просто хотела побывать в месте, где ты был, может быть, совсем недавно. Прикоснуться к тебе. Я не знала, что ты в тот вечер будешь там. Я пела и танцевала только для тебя. Я думала — выступлю и уйду, исчезну из этой жизни навсегда. А потом появился ты и опять всё смешал. Мне нужно было снова уйти, но вместо этого улететь пришлось тебе. А дело было сделано — я уже назвала всем своё настоящее имя. И теперь всё так закрутилось, что я не могу это контролировать. И мне очень страшно. Я не знаю, кто я. Но меня называют мной.

Так хочу поцеловать тебя в шею — всё бы отдала за это.

Глава V. Мария

Март 1998 г., Париж — Квебек

Звонок от Пьера раздался рано утром. Мария взяла трубку на кухне, ещё в халате.

— Мария, ей так плохо, что она может не справиться.

— Кто, София? Почему ты так считаешь?

— Она написала мне. В тот вечер, когда Серж заговорил с ней в баре, она была на краю. На самом краю — понимаешь? Когда она говорит «исчезнет», это значит исчезнет совсем. Навсегда.

Мария помолчала. Потом сказала тихо:

— Ну и дура. Маленькая глупая девчонка. И зачем Серж её остановил — вляпался непонятно во что.

— Мария!

— Пьер, прости, но если всё так — я посоветую мужу искать другую Эсмеральду. Ничто не удержит человека в этой жизни, если он сам не хочет.

— Она просто запуталась. У неё никого нет. Никого, кто мог бы помочь.

— Что ты от меня хочешь? Что я могу?

— Помоги ей. Мне больше некого просить. Если я приеду — боюсь представить последствия. А ты ей нравишься, она сама написала. Мария, милая, добрая, прошу. Прошу. Умоляю.

Мария затянулась сигаретой и долго не отвечала.

— Не уверена, что смогу. Но обещаю попытаться. Буду делать то, что считаю нужным — мне нужно разобраться, что ей движет. И пойми: дело моего мужа для меня всегда в приоритете. Если пойму, что её не вытащить — сделаю всё, чтобы он заменил её.

— Делай всё, что хочешь. Только помоги.

— Ладно, Пьер. Хватит лирики. Я тебе наберу. А ты успокойся и не делай драму. Не сбежит твоя Эсмеральда. Займись работой.

Мария долго курила, сидя за уличным столиком кафе, глядя на припорошенные снегом кресла и остывающий кофе. Вечная парижская мода — накрывать на улице, даже в холод. Под небом этого города можно всё, если ты пьёшь кофе и куришь. Мария любила Париж — город своей юности, такой же стремительной, сколь и сумасшедшей. Но она ценила и увядание — за спокойствие и мудрость, за стойкость. Выдыхая белый дым в застывший воздух, она думала, зачем вмешивается в чужие дела, и не находила ответа.

В конце переулочка появилась Вивьен Сен-Пьер — в длинном чёрном пальто, с чёрной гривой волос, милая, добрая и грубоватая, как всегда. Мария помнила её: некрасивую, с глубоким голосом, простую. Одно время считала её и Пьера любовниками, но они остались друзьями.

— Замерзла, пойдем внутрь, — махнула гривой Вив и прошла в кафе.

— Вивьен, я должна спросить об одной очень деликатной истории, — сразу приступила Мария. — Пообещай, что наш разговор останется между нами. Это важно — я пытаюсь кое-кому помочь, и этот кто-то попросил меня об этом. Твой друг Пьер Граве.

— О, Пьер? Что с ним?

— С ним всё в порядке. Речь даже не о нём. Вивьен, ты помнишь «Монополис»?

— Конечно.

— Я знаю от самого Пьера, что в те годы у него была интрижка. На стороне.

— С Жюли?

— Какой Жюли?

— Ну у него был роман с Жюли Фонтон. Моей соседкой по квартире.

Мария подняла брови. Другая женщина. Не София.

- Расскажи подробнее.
- Ох, зачем? Дело старое.

— Пьер попросил меня помочь одному человеку. Чтобы это сделать, мне нужно кое в чём разобраться. О нашем разговоре можешь рассказать Пьеру.

— Ну хорошо. В общем, когда я приехала в Париж на репетиции «Монополиса», я сняла квартиру с Жюли. Рядом с театром. Так они и познакомились — я их свела. Мы часто ужинали у нас после спектаклей, потом он ехал домой. Жюли была без ума от него — носилась хвостом, ходила на все спектакли. Милая парижанка, из хорошей семьи — папа редактор, мама балерина. Густые каштановые волосы, прямая чёлка, модная. Совершенно ему послушна. Но близости между ними, думаю, не было — мы жили вместе, я бы знала. Алиса скорее ревновала его ко мне.

— И чем закончилось?

— Ничем. Через год я сняла отдельную квартиру, а когда «Монополис» закончился, Пьер уехал, и мы с Жюли перестали встречаться. Звонила пару раз — никто не взял трубку.

— А Софи? — Мария произнесла имя тихо, как будто проверяя.

— Какая Софи?

— У Пьера в то время была девушка по имени София. Или знакомая.

— Нет, про Софию ничего не знаю. Может, и была — труппа была большая, у каждого свои друзья. Не помню.

Мария кивнула. Тупик. Жюли Фонтон — не та. София в истории Вивьен не появлялась. Значит, нужно копать глубже.

Они поболтали ещё о пустяках и разошлись, договорившись встретиться в большой компании. Пасмурное мартовское солнце вышло в зенит, обещая тепло измученным зимою горожанам.

В тот же вечер Мария сидела в гостиной вместе с Сержем и готовилась к телефонному разговору. Она уже раз двадцать его проинструктировала, но он чувствовал себя не в своей тарелке. То, что они собирались сделать, иначе как ребячеством не назвать. Но Мария всерьёз ухватилась за историю — словно ищейка, напала на след и не собирала отпускать. Следующей её жертвой должен стать Терри — давний друг Пьера, музыкант из его команды. Использовать его было неосмотрительно, Пьер наверняка узнает. Но Мария была непреклонна — Пьер сам попросил позаботиться о Софи, а уж как именно, она решит сама.

Серж набрал номер. Длинные гудки, потом канадская тишина.

— Алло.

— Терри, это Серж Патек. Тот самый, кто написал добрую половину песен для твоего друга Пьера.

Мария, слушавшая на второй трубке, закатила глаза.

— Месье Патек, ну конечно.

— Просто Серж. Терри, помнишь, в 94-м вы приезжали во Францию снимать клип? Ездили на Ривьеру всей компанией?

— Да, было дело.

— Не помнишь, кто снимал? Контактных его у меня нет, а очень нужны.

— Боюсь, и у меня нет — когда ж было!

— Помню, вы ещё хотели взять девушку на главную роль, но не получилось.

— Да вроде бы нет, там и не должно было быть никакой девушки.

— А что за девушка?

— Маделен?

Мария одними губами произнесла: «Маделен» — и в недоумении посмотрела на мужа. Серж перехватил её взгляд.

— Вроде Маделен, не помню уже, — наугад сказал он.

— Да нет, мы не планировали её снимать. И Пьер бы не позволил, хотя в кадре она смотрелась бы неплохо. Маделен никогда не любила сниматься.

— А кто это — Маделен?

— Ну, вроде как любовь всей жизни Пьера. Он мало о ней рассказывает. Давно это было.

Мария быстро написала на листке: «Спроси, где и когда». Серж прочёл, сглотнул.

— Ты имеешь в виду — в Париже, во время «Монополиса»?

— Да нет, гораздо раньше. Почему вы спрашиваете?

— Мы с Пьером недавно о ней говорили, он предложил её снять в клипе. Только не пойму, как найти.

— Ох, гиблое дело — искать Маделен. Не получится. Она сама появляется, когда хочет, и уходит, когда ей вздумается. То, что Пьер попросил вас искать, — неудивительно. Все эти годы ищет. Но не выйдет.

— Терри, расскажи о ней пару слов. Что хотя бы за человек?

Пауза. Потом Терри заговорил — медленно, словно подбираясь к старой памяти.

— Помню, как увидел её впервые. Год 89-й, может, 88-й. Мы играли в барах почти каждый вечер, рук не хватало. Однажды Пьеру пришлось самому петь и сидеть на ударных. Заходит в бар в Гатино красивая блондинка — дерзкий взгляд, красная помада на полных губах. Долго смотрит на нас — ну, на Пьера, конечно. Потом поднимается на сцену, берёт у Пьера палочки и садится за установку. Он отдал ей ударные так спокойно, будто знал. Но познакомились мы потом. Отыграла весь вечер, сразу въехала в музыку. Свободная, яркая, раскованная — американка. Сказала, зовут Маделен Брамант, играет на ударных, гитаре и фортепиано. Отец у неё музыкант из какой-то рок-группы — поэтому и отпустил одну. Не прочь, говорит, поколесить с нами по Канаде на летние каникулы. Пьер тут же согласился.

Мария слушала, не дыша. Блондинка. Американка. 1989 год. Это не та девушка, которую она видела в театре — черноволосая, миниатюрная, с голубыми глазами. Мария scribbled: «Продолжай».

— И что дальше? — спросил Серж.

— Они очень быстро закрутили роман. Просто пропали — уехали куда-то на побережье, мы почти не видели их. Месяц или два. Потом оказалось, что жена Пьера беременна. Он не знал — они с Алисой вроде как расстались уже. Маделен узнала от его сестры Женеьев — и собрала вещи. Больше я её не видел.

— А Пьер?

— Провалился в себя. Винил во всём себя — говорил, что сразу сказал Алисе про Маделен, как только встретил. Поссорился с Женеьев. Искал — без толку. Потом проблемы со связками — на нервной почве. Потерял контракт, возможность петь. Ему запретили разговаривать, чтобы сберечь голос, и он около двух месяцев вообще ни с кем не говорил. Просто ушёл в себя. А потом родился сын — и как-то оттаял.

— Но во Франции они опять встретились?

— Я был в Париже недолго. Сходил на спектакль, потом поехали на Ривьеру снимать клип — он взял жену и сына. Маделен там не было. Но он сказал мне, что нашёл её в Париже, что видятся. Я спросил — что дальше? Он пожал плечами. Сказал, что боится — она опять бросит. Но очень хочет быть с ней. Алиса ни о чём не догадывается, а он боится потерять сына.

— И чем закончилось?

— Маделен бросила его в 95-м. Он вернулся в Канаду. Больше я ничего не знаю.

Мария протянула мужу листок: «Сколько ей было лет?»

- Терри, последний вопрос. Сколько ей было лет, когда вы познакомились?
- Около семнадцати-восемнадцати. Как раз окончила школу.
- Спасибо, Терри. Пока.

Серж повесил трубку. Мария сидела неподвижно, глядя в стену. Потом взяла сигарету и вышла на балкон.

Блондинка. Американка. Семнадцать лет. Ударные, гитара, фортепиано. 1989 год. Исчезла, узнав о беременности жены. Появилась снова в Париже, в 93-м, во время «Монополиса». Исчезла снова в 95-м. Пьер три года искал её — и не нашёл. А потом в баре Le Fumoir появилась черноволосая миниатюрная француженка с голубыми глазами, канадским акцентом в голосе и испанским темпераментом, назвавшаяся Софией Лакруа.

Мария затянулась и выпустила дым в темнеющее небо. Она не знала, что с этим делать. Но она знала, кого спросить.

От: Кому: Тема: моя жизнь
12 марта 1998

Привет, моя Софи.

Получать от тебя письма — это настолько удивительно. Иногда жизнь преподносит подарки именно тогда, когда ты меньше всего ждёшь. Перед тем как мы встретились, я гулял по Парижу, вспоминал тебя. Был уверен, что ты уехала в 95-м, и город казался пустым — в нём было больше твоего смеха, твоего света. Я гулял будто по мёртвому городу. А потом увидел тебя. Теперь я думаю о Париже и завидую ему — потому что у города есть ты.

Сердце рвётся к тебе — до дрожи рук, до подгибания колен. Я уже дома, в своей келье под Монреалем, на берегу озера. Здесь растёт сосна точно в направлении Парижа. Я смотрю на неё и думаю о тебе.

Сегодня я всю ночь думал о том, что будет, если твой план осуществится. Пытался понять, принять — не вышло. Если ты это сделаешь, я тоже пойду за тобой. И всё же мне хочется, чтобы ты попыталась. Мне хочется узнать тебя по-настоящему — что ты ешь на завтрак, твои любимые цветы, любишь ли море или горы, поёшь ли в душе, какую музыку слушаешь, чем занимаешься вечером. Я всё бы отдал, чтобы оказаться рядом и просто смотреть на тебя, гладить твои волосы и держать за руку.

Я помню твой запах, гладкость твоей кожи, твои глаза, твои волосы в моих руках и это успокаивающее ощущение, что ты рядом. А теперь часть меня будто вырвали из тела, и во мне огромная незаживающая рана, которая ноет и кровоточит.

Расскажи больше о работе — мне ужасно интересно, что вы там делаете.

Твой Пьер.

От: Кому: Тема: RE: моя жизнь
13 марта 1998

О, мой Пьер!

Какое счастье — электронная почта. Благословен тот, кто её изобрёл. Я знаю, что ты пишешь мне вечером после концертов, когда у нас уже глубокая ночь. Я встаю поздно, в десять, иду в кабинет, варю кофе и сажусь перед компьютером. Сначала читаю последнее письмо, а потом перечитываю все остальные. Такая я сумасшедшая. Кстати, кофе пью чёрный, без сливок, с двумя ложками сахара. Вот такая я, София Лакруа. Не очень оригинальная.

Отвечаю на твои вопросы. В кабинет всю светит солнце, а я очень хочу есть — так что отвечаю голодной. Любимое блюдо на завтрак — жареная яичница и бекон. Только что

это поняла. Теперь буду готовить только его. Любимые цветы — те, что даришь ты. Мне всё равно, главное — когда пахнут тобой.

Люблю море и горы. Бывает, горы падают в море — это особенно красиво. Два года назад ездила на Ривьеру, лучшее лето в моей жизни. Ещё Швейцария — величественные горы с белыми шапками на берегу кристальных озёр. И Нью-Йорк. Всё. Я почти не выезжаю из Парижа.

Вечерами сижу у окна и думаю о тебе. Все эти три года, Пьер. Ты занимаешь какое-то очень важное место в моём сердце, и я знаю, что там пусто, потому что там должен быть ты. Мне тоже больно, когда всё ноет и кровоточит. Когда это случается — принимаю таблетки или иду петь, других способов заглушить не знаю.

Теперь про пение. После того концерта, когда Серж выпихнул меня на сцену твоей фотографией, все как с цепи сорвались. Приглашают на шоу, попросили записать сингл для радио. Теперь мы пишемся в студии, а на шоу не хожу — боюсь. Ещё хотят снять клип на Adagio — чтобы я оделась балериной и танцевала в Лувре. Придумали это Серж и Рико, а Рико без конца звонит и выпрашивает про мою личную жизнь — уверена, чтобы потом продать журналистам. Сначала хотела наврать ему с три короба, но ведь я теперь София Лакруа. Не знаю, что говорить.

Кстати — я нашла своих родителей. Но говорить об этом Рико не стала, не знаю, как. Вообще не понимаю, что говорить, а что нет.

За всей суетой не успеваю подумать об Эсмеральде, а ведь нужно готовиться к роли. Я даже не знаю, как к ней подступиться. Никто не помогает — все заняты новыми песнями. Рико говорит, что чем больше меня «продвинут до премьеры», тем больше очков соберёт мюзикл. Ну какая из меня Эсмеральда, Пьер? Не хочется подводить, но меня не покидает ощущение, что я занимаю чьё-то место.

Твоя Софи.

P.S. Ещё люблю круассаны с маслом.

Глава VI. Серж

Март 1998 г., Париж — Квебек

Люблю, когда Мария суетится на кухне. Прямые белые волосы всегда идеально уложены, волосок к волоску, даже утром. Она варит кофе и жарит омлет — ровно так, как я люблю. Потом садится, закуривает, и я изучаю кружево её морщин. Знаю каждый изгиб, каждый контур — и всё это так же дорого мне, как добрые лучи, которые падают на меня из её глаз. Самое прекрасное в ней — она умеет одновременно быть ребёнком и мудрой женщиной. Мне повезло, что она выбрала меня — никчёмного, не приспособленного к жизни, вечно витающего в облаках.

Сейчас Мария тревожна. Между бровями пролегла новая, неизведанная морщина — я тщательно изучал её, пока Мария собиралась с мыслями. Пусть додумает, а я дождусь.

— Кто бы мог подумать, что наш Пьер окажется таким кобелем, Серж, — выдохнула она вместе с табачным дымом.

— Ну уж прям кобелем?

— Сам посуди. В двадцать два знакомится с Алисой. Через пять лет находит восемнадцатилетнюю американку Маделен, бросает жену — а та беременна. Маделен его бросает. Едут в Париж — там Жюли и София одновременно, плюс Маделен снова. Жена с ребёнком ждёт дома. За два с половиной года не выбирает никого, уезжает с женой в Канаду — и та его бросает. Не знаю всех подробностей, но и этого достаточно.

— Может, не стоит судить так строго?

— Мне наплевать на постель Пьера. Меня волнует только Софи. Моя теория — она правильно его бросила, знает про всех этих женщин и не верит ему ни на грош. А то, что не может забыть и до сих пор страдает — это ужасно. Не понимаю, как можно влюбляться в таких кобелей.

— Похоже, пьедестал Пьера Граве пошёл трещинами.

— Он уже в руинах, вместе со статуей. Но хуже всего другое. Только не говори, что я сумасшедшая.

— Уже могу сказать.

— Серж, прекрати. Послушай. Ты знал, что наша Софи — сирота?

— Почему ты так решила?

— Она сама сказала. Ни отца, ни матери. Воспитывалась в детском доме в Канаде, потом переехала в Париж. Окончила школу балета при Гранд-Опера. Потом влюбляется в женатого мужчину, который ни в чём себе не отказывает. Нервный срыв, швейцарская клиника. Знакомый сюжет, да? А теперь — история, которая повторяется дважды. Сначала как трагедия, потом как фарс. Она получила роль Эсмеральды, Пьер всерьёз боится, что она не справится с собой. Ох, не нравится мне всё это.

— Ты продолжаешь настаивать, что он к ней несерьёзно? Он теперь в разводе. Пусть поженятся. Слишком много мелодраматизма.

— Не знаю. Так посмотришь — кажется, влюблён по уши. Но тогда, три года назад, у него одновременно четыре женщины. Вив уверена, что он был влюблён в Жюли. Терри говорил о Маделен. Сам Пьер — в Софи. Алиса, конечно, считала, что он с ней. Мистика какая-то. И знаешь что — я его ни с кем, кроме жены, никогда не видела.

От: Кому: Тема: моей обжорке 13 марта 1998

Боже, Софи, что я читаю — ты нашла своих родителей? Хочу знать абсолютно всё, каждую деталь. Пожалуйста, напиши или разреши позвонить. Ниже — мой номер, если захочешь позвонить сама. Не могу поверить, я так за тебя рад.

Теперь про Эсмеральду. Это твоя роль — потому что она это ты. У неё тоже нет родителей, она пришла неизвестно откуда и бродит по улицам Парижа. Как ты думаешь, почему Эсмеральда не полюбила Пьера Гренгуара? Почему Феба? Фигура спорная — красавец, гвардеец, но ведь полный негодяй.

Милая моя, одинокая девочка. Хотел бы обнять тебя так, чтобы все печали улетучились. Ты не должна нести всё это одна. У тебя есть верный друг — это я. И Мария, и Серж, и Роберто. Не сворачивай с пути, даже если трудно. Всё будет хорошо.

Послезавтра отчаливаю в турне, меня не будет три недели. В панике — компьютера не будет. Если бы ты позволила звонить тебе...

Навсегда твой, Пьер.

P.S. Только что слушал тебя по радио — божественно. Твой голос, как вино. Ложусь спать счастливым.

15 марта, 12:00 в Квебеке, 17:00 в Париже

Привет, София, это Пьер. Спасибо, что оставила номер, но позвонить не успел — уехал в турне. Три недели, буду в Монреале только 10 апреля. Сейчас в Ричмонде, вечером концерт, до него ещё пресса и фан-клуб. Постараюсь дозваниваться до тебя в дороге — буду умолять всех портье и барменов дать междугороднюю связь. Очень хочу услышать твой голос. Пока.

16 марта, 9:00 в Квебеке, 14:00 в Париже

Привет, Софи. Я в Лаши, тут ещё холодно и дождь. На душе тоска — просто безысходность. В дороге думаю о тебе, а этот континент кажется мне таким пустым. Серые города, пустыня. Наверное, у вас играет музыка и подают горячий кофе с круассанами. Я бы хотел позавтракать с тобой как-нибудь. Пожалуйста, думай обо мне хоть иногда.

От: Кому: Тема: RE: моей обжорке 18 марта 1998

Здравствуй, моё тёплое солнышко!

Я знаю, что ты ещё три недели не сможешь прочесть это письмо, но буду писать просто так, потому что не могу не писать. Спасибо, что звонишь. Меня часто не бывает дома, но когда прихожу вечером уставшая, так приятно послушать твой голос. Он всегда тёплый, добрый и румяный, как свежее испечённая булочка. Ты звучишь так, как звучал бы дом, если бы он у меня был. Слышать тебя — такое счастье.

В Париже холодно и промозгло. Я кутаюсь в шарф, у меня всё время мокнут ноги. Это я пишу, чтобы ты меня пожалел. Хотя в пору жалеть тебя — после десяти прослушиваний твоих сообщений чувствую, что ты измотан и опустошён. Я такой тебя не знаю — ты всегда весёлый и болтливый. Мне хочется тебя утешить, если бы знала твои печали — сделала бы всё, что могу.

Мой милый, светлый, добрый Пьер! Ты просишь думать о тебе хоть иногда. Но я думаю о тебе постоянно. Знаешь, я всё время с тобой говорю. Когда просыпаюсь — «доброе утро». Варю кофе — представляю, что варю и для тебя. Записываюсь в студии — думаю, что бы ты посоветовал. Пою — пою только для тебя. Прихожу домой измотанная — «добрый вечер», слушаю твои сообщения, ложусь спать.

Дел очень много. Серж жёстко взял меня в оборот — встаю в десять, к полудню убегаю на студию, репетиции, интервью. Два раза в неделю — небольшие концерты. Рико добровольно взял на себя роль моего пресс-атташе и хочет сделать из меня звезду — уж очень рьяно взялся. Из-за графика редко рисую.

Самое страшное — всё случилось неожиданно. Я не успела продумать стратегию. Я теперь просто София Лакруа, и у меня последняя жизнь. Это как в игре, где было четыре жизни — три я уже потратила. Дойду ли до финала? Мне страшно — если эта жизнь закончится, значит, всё. А я теперь не хочу «всё». Мне теперь интересно. Я жду, когда увижу тебя снова.

P.S. У тебя дом на берегу озера? Хотела бы там побывать — кажется, у тебя красивый дом.

19 марта, 5:00 в Квебеке, 10:00 в Париже

Пьер дозвонился. На пятый раз она взяла трубку.

— Я здесь, я здесь.

— С добрым утром, Софи.

— С добрым утром, Пьер. У вас пять утра?

— Да, милая. Ночь. Я в Лонгвиле, в отеле. Ты можешь говорить?

— Конечно. Только проснулась.

— Прости, что разбудил, но дозвониться сложно.

— Пьер, как ты? Ты такой грустный. Правда, у тебя очень грустный голос.

— Всё нормально. Устал, не выспался. Софи, я звонил узнать о твоих родителях.

— Я всё расскажу. Сейчас пойду заварю кофе, и будем говорить. Ты мне расскажешь, как ты. А потом — о родителях.

— Какая же ты упрямая. Со мной всё в порядке.

— Нет. Прекрати притворяться, что всё хорошо, если не хорошо. Я почти физически ощущаю, как тебе плохо.

Пьер помолчал.

— Просто... дорога изматывает. Все от меня чего-то хотят — песен, интервью. А мне хочется запереться в комнате и никого не видеть. Кроме тебя. Я столько не видел тебя — больше трёх лет. И потом всего несколько часов, на виду у всех. Не нагляделся. Ты теперь другая совсем, новая. Я не знаю тебя такую.

— Пьер, я совсем не меняюсь. У меня внутри такая пустота, которую я никак не могу заполнить. Наверное, это место для тебя. Я думала, если мы не будем видеться, пустота начнёт зарастать, как рана. А она растёт и растёт. Если бы ты был рядом, я бы приготовила тебе кофе. Будешь омлет?

— Не откажусь.

— Сейчас сделаю две порции. А ты слушай.

Она вздохнула, и он услышал, как она отставила трубку, звякнула чашка, зашумел чайник. Потом она вернулась.

— В 1994-м я сдавала выпускные экзамены в балетной школе. Выходишь один в зал, перед тобой стол, за ним преподаватели. Среди них была совсем древняя старушка — мадам Пюфон, лет под девяносто. Увидела меня в балетных туфлях, в пачке, и говорит: «Кристина, с чего это ты надела пуанты? Мы с тобой готовили монолог мадам Бовари. Живо переодейся». Все на неё зашикали. Другая старушка посмотрела на меня поверх очков и объяснила: девочка просто очень похожа на одну ученицу мадам Пюфон — Кристину Лакруа. Мадам Пюфон не сдавалась, говорила, свою Кристину отличит от других. Наконец вторая сказала: Кристине в этом году исполнилось бы сорок восемь лет, и чтобы та не дурила.

— О Боже...

— Я тогда не была Лакруа. Пропустила всё мимо ушей, но запомнила. И мой учитель, месье Дюпон, тоже запомнил. Он мне много помогал — устроил на работу в издательстве, чтобы я оплачивала обучение. Когда случился нервный срыв, он отправил меня в Швейцарию и оплатил лечение. В 1996-м, когда я вернулась, я познакомилась с мадам Бернадетт, учитель-

ницей пения. За чаем она сказала, что я напоминаю ей одну ученицу — Кристину Лакруа, с которой её попросила позаниматься подруга мадам Пюфон. Вот тогда я и затаила дыхание.

— И что выяснилось?

— Кристина училась в Парижской консерватории на факультете искусств. У мадам Пюфон. У неё был удивительно чистый и сильный голос, мечтала стать актрисой. Вскоре после консерватории она полюбила молодого человека из очень богатой семьи — Франсуа ля Рошель.

Голос Софии сорвался. Долгое молчание.

— Сейчас.

— Да, Софи. Выпей воды. Прости. Но пожалуйста, продолжай.

— Семья ля Рошель её не приняла — то ли из-за простого происхождения, то ли из-за того, что она хотела стать актрисой. В 1971-м они сбежали в Канаду, потому что она была беременна. Там попали в автомобильную катастрофу и погибли. Меня удалось спасти. Они не были женаты, так что записали как Лакруа — по матери. Остальное ты знаешь.

— Софи, ты нашла их? Лакруа или ля Рошель?

— Да. Мадам Пюфон к тому времени уже умерла, но месье Дюпон выспросил у неё всё про Кристину. Он давно догадывался, что моя история — полная фикция. Что нет у меня ни родителей, ни семьи. Услышав про Кристину, сразу подумал — она могла бы быть моей матерью. Помог достать записи из консерватории, старые фото. Знаешь, она была красивой, моя мать. Тёмные волосы, большие глаза. Тонкие руки и очень красивые плечи.

— Как ты.

— Боюсь, мне не хватает её грациозности. Потом я поехала в Канаду.

— Ты была в Канаде в 96-м?

— Да. Прилетела, арендовала машину, надела тёмные очки и поехала к тебе.

— Ко мне?

— Сидела в машине возле твоего дома и смотрела, как ты играешь с сыном на лужайке.

Вам было так весело.

— Боже, София, я не знал.

— Тонированные стёкла.

— Я тогда думал только о тебе.

— Да, пока не вышла твоя жена и не позвала вас обедать.

— София...

— Я тебя не упрекаю. Будешь слушать дальше?

— Да.

— Я поехала в приют в Шербуре. Там без труда дали мои документы — оказалось, могла запросить их, как только исполнилось восемнадцать, просто тогда сразу улетела. Записи вели в больницу Святой Анны под Монреалем. Там добыть данные было сложно — пришлось устроиться уборщицей, чтобы по ночам изучать документы. Через месяц всё нашла. Я даже нашла паспорта отца и матери — за ними так никто и не приехал. В паспорт отца была вложена фотография, где они вдвоём. Я всё это... забрала и вернулась в Париж.

— Ты нашла родственников?

— По матери — нет. Вроде была сестра, но даже не знаю, как звали. А вот ля Рошель — тут проще. Бабушка с дедушкой живы и здоровы. Есть дядя — младший брат отца, у него семья. Двоюродные братья и сёстры, все в Париже.

— Ты с ними познакомилась?

— Нет. Я о них всё узнала, но они не знают о моём существовании. Ты представляешь — приходит какая-то оборванка и представляется их внучкой, в стиле мексиканского сериала. Нет, такие мелодрамы не для меня. Пусть живут своей жизнью.

— Даже не знаю, что сказать. Это ошеломляющие новости. Ты оказалась настоящей парижанкой.

— Моя мать приехала откуда-то с юга Франции.

— Значит, настоящая француженка.

— Ну, это хотя бы установлено точно, хотя мало что даёт.

— Но что это изменило в твоей жизни?

— Очень плохо. Узнав, кто была моя мать, я поняла, откуда у меня страсть к искусствам. Попыталась это победить и перейти в мир чисел — чтобы не закончить так, как она. «Changer l'histoire», как в песне Эсмеральды. Но пустоту внутри числами не заполнишь — они слишком мелки. А потом я встретила месье Патека.

— Софи, ты каждый раз удивляешь меня. Я снова потерял слова.

— Чтобы ты потерял слова — да это невозможно.

— Я хочу тебя видеть. Невозможно хочу.

— Тебе надо поспать. Когда вставать?

— В одиннадцать. Ещё пять часов.

— Тогда ложись.

— Как я смогу спать после того, что услышал. Кто бы знал в 1979-м году, что маленькая девочка из Шербура — дочь парижанина из знатной семьи...

— Поспи, Пьер. Хочешь, я тебе спою?

— Очень хочу.

— Тогда закрывай глаза и ничего не отвечай. Пока не уснёшь.

— Хорошо, милая. Подожди секунду — положу трубку под ухо.

Он устроился, и она запела — тихо, нежно, мелодия, которую он узнал мгновенно. «On ira où tu voudras, quand tu voudras...» — «L'Été indien» Джо Дассена, песня о любви, которая не умирает, и о жизни, которая похожа на то осеннее утро. Она спела три куплета, почти шёпотом.

— Пьер? Ты спишь?

Молчание.

— Спокойной ночи, любимый.

Гудки.

От: Кому: Тема: думаю о тебе 23 марта 1998

Милая София, прости, что от меня нет вестей. График плотный. После того разговора не могу прийти в себя — постоянно думаю, что ты была в Канаде в 96-м. Представляю тебя сидящей в машине в тёмных очках, пытаюсь вспомнить, в какой день это было, о чём я думал. Мои фантазии переплелись с воспоминаниями — теперь кажется, будто на каждой прогулке с сыном ты была там. Из-за этого плохо сплю, волочу ноги. Анри злится, грозит отменить концерты. Обещал дать пару дней отоспаться в Монреале.

Сегодня в Луисвилле нашёл интернет-кафе. Прочитал твоё письмо — оно такое красивое. Тебе надо стать писательницей. Шутка. Правда, шутка.

Песни в голове звучат бесконечным калейдоскопом — и все о тебе. Ты намного сильнее, чем раньше, и всё же такая же слабая. Хочу тебя защитить от всего.

Начинаю думать о своей роли — пора. Чем больше думаю, тем невзрачнее она. Старейший писатель-неудачник, вот кто такой Гренгуар. Перечитал «Собора Парижской Богоматери» — там полная пустота. Второстепенный персонаж, не знаю, зачем Серж сделал его рассказчиком. Единственный счастливый — потому что не влюблён. Может, поэтому неинтересен? Боюсь, это будет неудачная роль. Если бы я был женщиной, согласился бы только на Эсмеральду.

Люблю тебя. Твой Пьер Гренгуар.

25 марта, автоответчик Пьера Граве

Привет, Пьер. Это Софи. Просто проверяю телефон, который ты мне дал. Пока!

Привет, Пьер, это снова я. Просто хотела сказать, что я люблю тебя. Вот: я тебя люблю. Пока!

От: Кому: Тема: RE: моя жизнь 2 апреля 1998

Пьер, Пьер, Пьер. Я без ног, так устала. Больше всего утомляет студия — пишем по одной песне в неделю, а диск нужен к лету. Серж ворчит, Роберто подбадривает.

Сегодня весь день записывалась с Жаном Лемоном — он играет Квазимодо. Совсем молодой и очень большой, чтобы с ним говорить, приходится закидывать голову наверх, потом болит шея. Как будем играть на сцене — не представляю. Он похож на доброго канадского ковбоя — всё время улыбается. Голос у него низкий, с переливами, как будто хлопочет вулкан. Мой рядом звучит как голос птенца.

Записывали «Les oiseaux qu'on met en cage» — я на первых строчках разревелась. Жан так искренне испугался за меня, с тех пор подходит и спрашивает, как я. Взяла меня под опеку, хотя я на год старше.

Жду от тебя новостей. Софи.

От: Кому: Тема: RE: моя жизнь 6 апреля 1998

Пьер, милый. Сегодня я познакомилась со своей соперницей. Девушкой, которая меня ненавидит.

В студии Серж сказал, что придёт Люсиль Лафер — будут пробовать наши голоса вместе, есть дуэт Эсмеральды и Флер-де-Лис. Мне говорили, что это маленькая милая семнадцатилетняя блондинка. Заходит роковая брюнетка с подведёнными глазами. Если бы я не знала, подумала бы, что её назначили на роль Эсмеральды. Кидаёт испепеляющий взгляд, поджигает губы и как будто не замечает меня. Жан с ней сразу обнялись — старые друзья — и весело зашебетали о музыке, подругах, поездке на море с родителями.

О, Пьер, какой клубок зашевелился во мне. У этой девочки есть всё — образование, победы на конкурсах, родители, которые заботятся. Мюзикл для неё — просто очередное продвижение в карьере. И при этом она всем недовольна и капризна.

Мы поработали — она не хотела уходить тоном выше, я предложила спеть ниже, получилось неплохо. Потом Серж повёл меня пить кофе и попросил не обижаться. Якобы Люси хотела получить роль Эсмеральды и вошла в шорт-лист, пока не появился я. Даже волосы перекрасила, чтобы стать роковой брюнеткой. По её мнению, я занимаю её место. Может, и так. Пусть подвинется.

Серж расспрашивал о нас — общаемся ли. Я сказала, что переписываемся и перезваниваемся, что ты переживаешь за роль, но Анри запретил тебе общаться, потому что ты срываешь турне. Он спросил, не переживаю ли. Соврала, что нет.

Париж без тебя пуст. Когда ты приедешь?

Твоя Софи.

Глава VII. Серж

8 апреля 1998 г., Париж

Шарль Роже, наш продюсер, собрал нас пообедать — меня, Роберто, Софию, Жана, Люси и Доминика Хавье, нашего Феба. Я пригласил его, чтобы познакомить с Софи — вдруг из этого что-то выйдет. Рико присоединился вечно беспокойным хвостом. Мы сели за большой круглый стол в рыбном ресторане на улице Шаронн.

Роже был весел, платил за всех и наконец сообщил: премьера назначена на 16 сентября. — У нас пять месяцев, — сказал он. — Нужно очень серьезно поработать.

Все подняли бокалы. Я заметил, как Софи нервно сглотнула.

В последнее время ей приходилось несладко. Помимо промо, мы записали почти все её сольные песни — остались дуэты. С Жаном она поладила, а вот встреча с Люси вышла колючей: девочка умеет показать коготки, а Софи пока пасует. Люси хотела роль Эсмеральды и теперь истекала желчью, построив невидимую стену и ведя невидимую войну, готовая передушить труппу, лишь бы перетащить на свою сторону. Интересно, кто взойдёт на чьи баррикады. У Софи есть Пьер — плюс один. Люси борется за Жана, который симпатизирует Софи. Чью сторону примет сердцеед Доминик — посмотрим.

Люси сидела по левую руку от Жана, Софи — по правую. Доминик подсаживался к Софии, источая очарование, пока Люси оттачивала улыбку на Роже. Рико то и дело отлучался к телефону. Мы с Роберто, молчаливые и невозмутимые, смотрели на это безумие — я потирая руки, Роберто пожимая плечами. Как всегда.

Роже заговорил о том, что нужно усилить промо. Рико горячо согласился, хотя и так делал что мог. Спектакль пока не принимали тепло — песни казались чересчур академичными, тема старомодной. Роже говорил, что артистов нужно устраивать выступать где угодно. Роберто возражал: известных имён маловато — Грегори Сен-Мишель в роли Фролло нарасхват, Пьер Граве известен в основном в Канаде. Софи при упоминании Пьера густо покраснела. Рико сказал, что на майском фестивале в Ла-Рошель будут выступать Грегори, Пьер и София — договорённости есть. София поперхнулась салатом, громко кашлянула и запила водой. Доминик хлопал её по спине, ничего не понимая. Люси смерила её испепеляющим взглядом.

Роже попросил идей. Наступила тишина.

— У меня есть идея, — робко сказала София, краснея ещё гуще.

Все взгляды устремились на неё. Она смотрела в тарелку и теребила приборы.

— Мы могли бы снять клип со всеми персонажами прямо на улицах Парижа. Не постановочный — живой. Персонажи в сценических костюмах, с гримом, ходят по настоящим современным улицам вокруг Собора Парижской Богоматери, а камеры снимают реакцию реальных людей. Туристов, парижан, всех, кто попадётся в кадр. Это покажет, что такая история могла произойти сегодня, на тех же улицах.

— Гениально, Софи! — Роже поднял бокал.

— Отличная идея, — согласился Рико.

— Можно снять с симфоническим оркестром, — заметил Роберто. — Музыканты идут по улице, потом достают инструменты и начинают увертюру. Прохожие в шоке.

— А клип на какую песню? — спросил я.

— «Les Cathédrales», — сказала Софи. — Ведь эта песня главная.

Конечно. Ведь её поёт Пьер.

— Для клипа нужны все и, конечно, Пьер, — сказал Роже. — Рико, извести всех: в двадцатых числах мая собираемся в Париже. Нужно искать режиссёра. И в мае выпускаем новый диск с Софи — презентуем на летнем фестивале.

Больше всех мне было жаль Доминика — он тешил себя надеждой, что София свободна. Подливал вино, трогал за руку, размахивал руками. София плела свою паутину, и у неё это получалось.

В такси по дороге домой я спросил, как она. В последнее время она казалась мне чересчур нервной и издёрганной. Ей нужен отдых, но некогда.

— Софи, я хочу, чтобы ты спела две песни — *Adagio* и вторую. Готова?

— Серж, я давно уже не готова к тому, что происходит. Но давай сделаем это. Один раз живём, да?

В её глазах горел огонёк. Моя Эсмеральда — такой ты должна быть, бедовой девчонкой. Пока Софи не соответствовала — характера не хватало. Но в запасе пять месяцев, дерзкая Люси, чтобы разозлить, нахал Доминик, чтобы разбудить страсть. И, конечно, Пьер — его приезд как нож к горлу. Может всё испортить.

Дома меня ждала Мария. Мы сели на балкон с кофе и сигаретами, на закате — лучшее время говорить с женой.

— Я разговаривала с Пьером, — сказала она. — Он сказал, что всё портит. Что делает то, чего не должен. Звонит ей, пишет, общается. Сказал, что любит её.

— А она?

— Говорит, не ответила. Но я ведь с ней общаюсь — она его любит. Кобеля этого. Любит.

— Погоди, в дело ещё не вступил Доминик.

— Зря надеешься. Она сделает этого слащавого на раз-два и оставит с носом. Я чувствую нутром — это не увлечение, это настоящая любовь. Что-то только не так, и не могу понять что. Не сходится.

— При всём уважении, у тебя ничего не должно сходиться. Это их история. Я сам волнуясь, что будет, когда Пьер приедет. Лучше бы коротко. В конце июня начнём репетиции — тогда и станет ясно.

— У тебя есть замена Софии и Пьеру?

— Есть, но не такая. Без них спектакль будет другим. Я сделаю всё, чтобы он стал таким, как у меня в голове. Идеальным. А значит — и с Пьером, и с Софией.

10 апреля

Пьер позвонил Марии из Квебека, где провёл три дня дома между концертами.

— Как у вас дела?

— Ты хотел сказать, как дела у Софи, — язвительно сказала Мария.

— Ну да, в общем, да.

— Она работает, Пьер. Очень тяжело работает. Можно ещё чуть-чуть измотать.

— Ей кто-нибудь понравился? Жан? Доминик? Грегори?

— Ничего не скажу. Ты уже знаешь, что через месяц должен быть здесь?

— Знаю. Пакую чемоданы.

— Знаешь, кто всё это устроил? Твоя Софи. Делай выводы. Жду тебя через месяц. Раньше не звони — зла на тебя из-за Софи.

— Почему?

— Приедешь, объясню.

Пьер повесил трубку в недоумении. Через час дозвонился до Софии.

— Софи, это Пьер. Ты не дома. Жду звонка.

Она перезвонила поздно ночью.

— Пьер, привет! Я только что пришла — ужинала с Жаном, Домиником и Люси.

— Вот как? Ты... пьяна?

— Немного. Жан и Доминик заставили меня выпить текилу. Но я вырвалась, потому что сегодня десятое, и я знаю, что ты наконец дома.

— Я ужасно ревную. Хотя и заслужил. Сажу на диване, пью пиво и представляю, как ты ревновала меня.

— О да, я ужасно ревновала тебя к Маделен. Всегда.

— И правильно делала. После Алисы у меня были отношения только с ней.

— Именно ей доставалось всё лучшее. Остальные оставались ни с чем.

— Остальные, включая тебя, и близко меня не подпускали.

— Дай мне надуть губы. Я сегодня много выпила и имею право быть капризной.

— Ты имеешь право на всё. Никогда не видел тебя выпившей.

— Ты вообще мало знаешь меня, Пьер.

— Хочу узнать.

— Узнаешь. И пожалеешь.

— Надеюсь, что нет.

— Ты ведь скоро приедешь?

— Через месяц. Тридцать дней.

— Я очень соскучилась и сделала так, чтобы ты приехал наверняка. Если бы не клип, Анри бы не отпустил тебя. А раз Роже просит — не может отказать.

— Знаю. Ты молодец. Времени будет мало — два дня на клип, потом Ла-Рошель, и сразу в Квебек. Ищейка Анри уже ищет билеты на ночной рейс. А в конце июня я в Париже.

— Мне кажется, это никогда не случится. Жизнь несправедливая. Тебя нет, мне приходится выпивать с Жаном и Домиником, а Доминик ко мне пристаёт.

— Я приеду и набью ему морду. Серьёзно.

— Не надо, он мне совсем не нравится. Слащавый. Я не люблю Феба. Я люблю Гренгуара. Принца парижских улиц.

— Это я, во всей красе.

— Я поговорила с Кати. Она ищет тебе квартиру в Париже. Хочет встретиться.

— Скажи, что доверяю её вкусу. Только чтобы квартира была рядом с тобой.

— Кати не согласна. Она поселит тебя подальше.

— Тогда скажи, чтобы катилась к черту, маленькая ревнивица. Я люблю только тебя.

— Не ссорься с Кати, это опасно.

— Я люблю опасности. Зависимость от адреналина.

— Нахал. Я всё скажу Маделен, и она тебе отомстит.

— Если так, как обычно мстит Маделен — я не против. Хотя предпочёл бы в этой роли тебя.

— Нахал. Кстати, как у тебя с Люси?

— Маленькая нахальная девчонка. Ужасно изводит. Как вижу — ищу в сумке дохлую крысу, чтобы подбросить.

— Что она делает?

— Всякие мелкие пакости. Вы, мужчины, бросаетесь с кулаками, а женщины могут изводить друг друга так мелко, что никто и не заметит. Вчера, когда мы заходили в студию, она не только не придержала дверь — ещё и толкнула в мою сторону. Я чуть не разбила нос. А она пожалала плечами: «Удивительно, как ты будешь играть Эсмеральду при такой неуклюжести».

— Софи, это смешно.

— Ничего смешного! Она подчёркивает то, чего во мне нет. Будто чувствует.

— В тебе есть всё.

— Ты же знаешь, что не всё. Я не горячая штучка, как Нанни.

— Ты просто не всё знаешь о себе.

— Я не Маделен.

— Ты лучше.

— И всё же.

— Всё будет хорошо.

— Наверное. Пьер, почему мы всегда говорим обо мне? Ты ничего о себе не рассказываешь.

— Что рассказать? Турне — ничего не происходит, кроме промо и концертов. Раздаю интервью, улыбаюсь, даю команде заработать. Иначе бросил бы всё и был у твоих ног.

— Расскажи про свой дом.

— Холодный и пустой.

— Пьер!

— Дом в пригороде Монреаля, на берегу озера. Купил после развода, долго пустовал. Обставил, но не хватает женской руки. Есть большая веранда и лужайка.

— Ты привозишь сына?

— Очень редко. Бываю там сам нечасто, езжу к Жану в старый дом, к Алисе.

— Как она?

— Хорошо. Собирается замуж.

— Надо же. Так быстро.

— У них началось ещё до развода. Не хочу об этом.

— Понимаю. А я живу в квартире, которую подобрала Кати. Двухуровневая, наверху студия и мастерская, внизу — гостиная, спальня, кабинет. На первом этаже булочная и кофейня — могу не выходить на улицу. Очень удобно.

— Кати большая молодец.

— Сделала всё бесплатно. Она умничка.

— Как поживает Жюли?

— Давно не видела. Наверное, печёт пироги и пишет мемуары. Не будем о ней.

— Жаль, мне нравилось, как она готовила.

— Теперь я буду готовить.

— Это настораживает. Шучу. Готов к твоим кулинарным изыскам. Только надо запастись таблетками.

— Я так хочу спать. Устала.

— Конечно. Люблю тебя, спокойная ночь.

— Спокойной ночи, Пьер.

12 апреля

Мария забирала меня из студии — я снова расклеился, простуда разгулялась не на шутку. Сегодня наконец закончили запись с Люси, и я выдохнул: её родители забрали эту невозможную девчонку. Она и меня начала доставать, а Софи просто измотала все нервы. Осталось дописать Доминика — и скорее за новую песню, которую Софи покажет на фестивале в Ла-Рошель. Удивительная, сложная песня, очень личная. Я написал её для неё. Это её история. Её и Пьера. Мария меня убьёт, если узнает, — поэтому ей я текст не показывал и Софии запретил говорить.

Мария резко выворачивала руль, сворачивая на авеню Монблан, и выпалила:

— Мне звонил твой кобель, хотя я запретила.

— И что?

— Спросил, почему я злюсь на него из-за Софи. Я сказала, что знаю про Маделен и Жюли. Он рассмеялся и сказал, что я ещё не знаю про Кати. Представляешь? Сказал, что любит их всех. Я ответила, что он сексуальный извращенец. А он — что ничего не говорил про секс.

Что у него было всего две женщины: Алиса и Маделен. До остальных он не дотрагивался. Я сказала — гарем, может хоть каждый день выбирать. Он ответил, что хочет только Софи и будет добиваться. Даже Маделен больше не интересуется. Я спросила, зачем тогда говорит, что любит всех. Он сказал: «Это загадка моей души», рассмеялся и распрошлся.

— Значит, никого не было, кроме Алисы и Маделен? Выходит, он просто святой.

— Ты что, с ума сошёл? Я тебе говорю — любит их всех.

— Мария, неужели ты ничего не поняла?

— Что? Скажи!

— Если расскажу — потом возненавидишь. За то, что сама не догадалась.

— Скажиини!

Я посмотрел на неё зло и посоветовал довести меня до дома, потому что я болен и вот-вот умру без чая с мёдом. Она сжалась. Через десять минут мы были в квартире, и там я сжался над ней.

Взял листок, начертил длинную горизонтальную линию. Сделал отметки: справа — 1998, левее — 1995, потом 1993, 1989, 1984. Сверху ещё одну линию, снизу — ещё. На верхней написал «Пьер», на нижней — «Софи».

— Смотри. 1984-й. Пьер знакомится с Алисой — пишем. Но в это же время он уже знаком с Софи. Ей тринадцать, они в Канаде. Она как-то вспоминала, каким он был балагуром в этом возрасте. 1989-й — появляется блондинка Маделен, Терри нам рассказал. Два месяца — и расстаются, потому что Алиса беременна. Маделен исчезает, а Софи в том же году приезжает в Париж. Совсем без денег, поступать в балетную школу. Ей ровно восемнадцать. Проходит четыре года, Пьер приезжает в Париж — и знакомится с Жюли. Маделен снова здесь. Софи уже живёт в Париже. Странно, да? Что делает американка Маделен в Париже после истории с Пьером? И о Жюли мы знаем только от Вивьен — до Парижа она в жизни Пьера не появлялась. Он крутит роман с тремя, но для всех есть только Алиса. 1995-й — он возвращается в Канаду, и все его бросают. Почему? И наконец, 1998-й — Софи на месте, а про остальных мы не знаем, хотя Пьер их не скрывает. Где они?

— И что? Я ничего не понимаю.

— Даю три подсказки и неделю. Первая: дозвонись до Терри и спроси — когда он встретил Маделен в Париже в 94-м, не изменила ли та причёску или цвет волос? Вторая: сходи к Софи домой, поднимись на второй этаж, в мастерскую. Очень удивишься. Третья: в доме, где снимает квартиру Софи, сдаются квартиры. Позвони по телефону на окне одной из них и спроси, кто владелец дома. Вот и всё.

Через четыре дня Мария пришла домой, упала на диван и посмотрела на меня так, будто увидела динозавра в окне. Я понял — догадалась. Пьедестал с Граве был собран по кусочкам, и теперь его украшал Пьер на белой лошади с саблей.

Глава VIII. София

20 мая 1998 г., Париж

Сегодня утром я проснулась счастливой — впервые за долгие годы. Ещё не открыв глаза, вспомнила: Серж и Мария о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.